ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXIX

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897

LIBRARY

Digitized by Google

ПѢГІЯ ТАКСЫ И МИРНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Листки изъ хроники одного маленькаго государства.

Эрнста Мюлленбаха (Э. Лёнбахъ).

(Переводъ съ нѣмецкаго З. У.).

I.

ЪЪ ОДИНЪ сентябрскій вечеръ неурожайнаго 1847 года, владѣтельный князь Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ сидѣлъ съ приближенными въ такъ называемой игорной комнатѣ своего дворца. Князь, министръ двора, фонъ-Мюллеръ, и обергофмейстерина, фрейлейнъ Аглая фонъ-Цигебейнъ, играли въ домино, безъ придирокъ и споровъ, хорошую древнефранкскую партію для троихъ, въ двадцать восемь костяшекъ. Командующій княжескимъ войскомъ, майоръ Бёллерманъ, смотрѣлъ на играющихъ и записывалъ выигрыши. Мужчины потягивали, при этомъ, изъ большихъ темнозеленыхъ хрустальныхъ рюмокъ рейнвейнъ, разносимый сѣдымъ, полуглухимъ лакеемъ, въ голубоватосѣрой ливреѣ. Подлѣ фрейлейнъ Цигебейнъ стоялъ маленькій чайный столикъ; сервизъ на немъ, изъ покрытаго украшеніями мейснерскаго фарфора, казался такимъ же важнымъ и старомоднымъ, какъ она сама, въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ и черномъ кружевномъ чепцѣ на старательно завитыхъ сѣдыхъ букляхъ. Министръ двора былъ въ статскомъ придворномъ

Digitized by Google

черномъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ, панталонахъ до колѣнъ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Двое другихъ господъ были въ формѣ лейбъ-роты: бѣлый жилетъ подъ высоко вырѣзаннымъ голубымъ фракомъ, съ большимъ воротникомъ и длинными фалдами, бѣлые панталоны и, какъ всегда, высокіе лакированные ботфорты. Чопорнымъ, важнымъ и нѣсколько устарѣлымъ казалось все въ этой комнатѣ: и ея обитатели, и бѣлая лакированная мебель въ строжайшемъ style empire, и двое столовыхъ часовъ, которые тихо и жеманно били, какъ бы стыдясь говорить въ такомъ мѣстѣ о ходѣ времени впередъ. Пламя восковыхъ свѣчей, въ серебряныхъ шандалахъ, горѣло ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ, безъ малѣйшаго колебанія.

Былъ теплый, тихій вечеръ. Въ открытыя окна лишь изрѣдка доносился снизу звукъ шаговъ часоваго; въ городѣ же не слышно было ни малѣйшаго шума: столица рано погружалась въ сонъ.

— Вамъ играть, ваша свѣтлость,—объявилъ старый майоръ такимъ тономъ, какъ если бы это было военное донесеніе.

Князь наклонился и, кладя свое домино на столъ, задумчиво на него посмотрѣлъ.

— Удивительно,—сказалъ онъ,—какъ только я вижу это двойное пять, я не могу не подумать о двухъ бычачьихъ головахъ.

— Въ жизни часто приходится вспоминать о нихъ,— сказала Цигебейнъ и приложила свою костяшку.

— Скажите мнѣ, любезный Мюллеръ, какое собственно количество быковъ имѣется въ нашемъ государствѣ?

— На сколькихъ ногахъ?—спросила Цигебейнъ.

— Ну, разумѣется, на четырехъ,—серіозно возразилъ князь.— Народная перепись была у насъ недавно. Какъ же велика оказалась общая цифра населенія, любезный Мюллеръ?

— Тридцать тысячъ шестьсотъ сорокъ девять, ваша свѣтлость,— отвѣчалъ министръ двора.

— Такъ... Это легко забывается. Я, вѣдь, знаете, не люблю возиться съ цифрами. А у моего двоюроднаго брата, по младшей линіи, Эгона-Александра, гораздо больше, конечно?

— Шестьдесятъ семь тысячъ сто одиннадцать, ваша свѣтлость!

— Каково! Вѣдь это... позвольте, вѣдь это почти вдвое?

— Не считая при этомъ отъ двухъ до трехсотъ нищихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ ежегодно для игорнаго дома,—прибавила Цигебейнъ. Она, по обыкновенію, сердилась, когда мужчины прерывали игру разговоромъ. Князь къ этому привыкъ. Слегка махнувъ рукой, онъ сказалъ:

— А все-таки это несправедливо, что людей считаютъ, а животныхъ нѣтъ. Прикажите, мой добрый Мюллеръ, чтобы ландъегери немедленно произвели точную перепись скота. Какъ вы объ этомъ думаете, господинъ майоръ?

Майоръ, очнувшись отъ дремоты, вытаращилъ глаза и вытянулся во весь ростъ.

Digitized by Google

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость,—воскликнулъ онъ и, закрывъ снова глаза, тихо погрузился въ сонъ.

— Такъ ужъ прикажите, ваше превосходительство, обозначить при этомъ точнѣе и породу животныхъ,—замѣтила Цигебейнъ.

— Конечно,—сказалъ князь,—особые знаки, какъ при тайныхъ повелѣніяхъ, знаете... Наша добрая Цигебейнъ совершенно права. Намъ хочется знать, наконецъ, какой видъ имѣютъ конюшни и хлѣва нашихъ владѣній. Я никогда не занимался политикой; предоставляю ее вамъ, любезный Мюллеръ; но это другое дѣло... Ну, кому играть? Господинъ майоръ, вы записываете?

Задремавшій майоръ отвѣчалъ лишь чуть слышнымъ вздохомъ.

— Онъ опять спитъ,—тихо сказала старая дама.—И вѣрно опять видитъ во снѣ битву при Линьи.

— Да, это былъ великій день въ его жизни,—отвѣтилъ князь.— Ну, пусть спитъ, а то будетъ ошибаться въ запискахъ. Къ тому же, сонъ стараго героя священенъ, не правда ли, моя дорогая? Возьмите отъ него доску; только ведите счетъ правильно.

II.

Нѣсколько дней спустя, князь Фридрихъ-Фердинандъ стоялъ на вышкѣ обсерваторіи и обозрѣвалъ свои владѣнія. Въ офицерской шляпѣ съ великолѣпнымъ черно-зеленымъ султаномъ, которую онъ надѣвалъ на свою лысую голову въ защиту отъ сквознаго вѣтра на обсерваторіи, князь имѣлъ молодцоватый, мужественный видъ; а такъ какъ, по воинскому уставу, шляпа требовала шпаги, то онъ былъ сегодня и при шпагѣ.

Обсерваторія была квадратная башенная комната, съ высокими задвижными окнами со всѣхъ сторонъ и узенькою дверью. Посрединѣ, на прекрасной рѣзной подставѣ, стояла большая, подвижная зрительная труба. За этой трубой, каждое утро, послѣ перваго завтрака, государь непремѣнно проводилъ нѣкоторое время. Въ хорошую, ясную погоду фрейлейнъ Аглая фонъ-Цигебейнъ всегда присутствовала при этихъ обозрѣніяхъ владѣній.

И сегодня она была тутъ. Сидя на тростниковомъ стулѣ, она вязала, съ благотворительною цѣлью, что-то длинное изъ бѣлой шерсти и посматривала на своего друга князя съ ласковою улыбкой. Его любезное приглашеніе къ зрительной трубѣ она, по обыкновенію, отклонила.

— Ну, вотъ!—воскликнулъ князь, глядя въ трубу,—этотъ малый, садовникъ, что у старыхъ воротъ,—какъ его зовутъ? Цвибельгехтъ, или что-то въ такомъ родѣ,—гонитъ двухъ великолѣпныхъ воловъ по большой дорогѣ. А за ними еще три. Однако, несмотря на плохія времена, въ нашихъ владѣніяхъ должно быть громадное количество скота. Я съ нетерпѣніемъ жду доклада. Сегодня онъ долженъ быть готовъ.

Digitized by Google

— Какъ красивы тамъ развалины Фалькенштейна,— замѣтила придворная дама.—Точно замокъ на горѣ изъ Гётевской баллады, знаете, ваша свѣтлость?

«Отрокъ и служанка сіяютъ.
«Точно господа»...

— Къ сожалѣнію, только теперь здѣсь не отрокъ и служанка, а банкиръ Ландауэръ и его жена.

— Да,—отвѣтилъ князь, посмотрѣвъ на нее своими добродушными голубыми глазами.— Знаете, Аглая, когда я подумаю... вѣдь, въ свое время, это былъ великолѣпный дворянскій родъ, эти графы Фалькенштейнъ. Нашъ добрый Мюллеръ разсказывалъ намъ это однажды. Затѣмъ, не помню, четыреста или пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, такъ, приблизительно, въ эпоху Лютера, родъ этотъ вымеръ, и мы всѣмъ должны были наслѣдовать; но, при дѣлежѣ наслѣдства, большая часть перешла къ младшей линіи. Самое гнѣздо, Фалькенштейнъ, было ими заброшено и понемногу превратилось въ развалины. Боже мой, я ничего противъ этого не имѣю, руина въ странѣ!— это очень красиво. Но, что теперь опять она куплена нашимъ придворнымъ банкиромъ... Удивительно! Старый рыцарскій замокъ! Вѣдь это должно раздражать все дворянство!

— Это-то и есть такъ называемое вѣяніе времени,—сказала фрейлина.— Впрочемъ, что ваша свѣтлость говорите о дворянствѣ? У насъ нѣтъ его вовсе.

Князь удивленно посмотрѣлъ на нее.

— И то правда,—отвѣчалъ онъ.—Въ моихъ владѣніяхъ дворянство совсѣмъ исчезло. У кузена же моего, Эгона-Александра, имѣется еще достаточно дворянъ, чтобы замѣстить ими всѣ придворныя должности.

— Ну, ужъ что это за дворянство!—презрительно замѣтила фрейлейнъ Цигебейнъ.—Игорный домъ привлекъ пару французовъ, искателей приключеній, и въ настоящее время неизвѣстно даже, кто они такіе: камергеры или крупье. Остальнымъ же дворянствомъ его свѣтлость, Эгонъ-Александръ, обязанъ своему блаженной памяти дѣду... Ваша свѣтлость, понимаете, о чемъ я говорю?

— Ну, да, да,—нетерпѣливо возразилъ князь,—морганатическій бракъ, знаю, знаю... очень плодовитъ... Но это все равно; мы здѣсь имѣемъ дѣйствительно лишь васъ и нашего добраго Мюллера, да и то какъ? Онъ получилъ дворянство отъ своего отца, которому оно было пожаловано прусскимъ королемъ: а вы,—да не смотрите на меня такъ, какъ если бы я хотѣлъ усомниться въ вашихъ шестнадцати родоначальныхъ предкахъ!—но, вѣдь, и вы тоже... какъ бы это сказать,—ввезены; ввозъ классическій, не спорю, въ то время, когда вы прибыли изъ Веймара въ качествѣ придворной дамы къ моей покойной матери. Однако, сколько этому будетъ времени?

Digitized by Google

Не менѣе сорока лѣтъ... Вы были моею первою тихою любовью; мнѣ въ то время было четырнадцать лѣтъ, а вы были прекрасною, пышно распустившеюся розой, лѣтъ...

— Поберегите свои вычисленія, ваша свѣтлость,—перебила его фрейлина.—Что же касается классицизма, то позвольте мнѣ замѣтить, что имъ я на самомъ дѣлѣ горжусь... Это, вѣдь, что нибудь да значитъ — жить при Гетевскомъ дворѣ? Выше же моихъ классиковъ я никого не знаю. Конечно, ваша свѣтлость... кого изъ нихъ собственно читаетъ ваша свѣтлость? Пожалуй, два-три забавные разсказа гофрата Виланда, и то почему?.. объ этомъ я не спрашиваю. Едва ли, впрочемъ, по эстетическимъ побужденіямъ.

Князь спокойно улыбался.

— Не горячитесь, Аглая,—сказалъ онъ.—Вамъ извѣстно мое глубокое уваженіе къ вашему классически образованному дворянству. Безконечно жаль только, что съ вами оно вымираетъ въ моихъ владѣніяхъ... Да, но Мюллерово продолжаетъ еще цвѣсти... Хорошъ, впрочемъ, цвѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ докторъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ былъ за свое демагогическое стихотворство высланъ изъ Берлина, старикъ отъ него совсѣмъ отрекся.

— Да,—замѣтила фрейлина,—въ этомъ, ваша свѣтлость, можете узнать жалованное дворянство. Нашъ добрый Мюллеръ — самая миролюбивая душа, но, что касается легитимности, онъ гораздо строже всѣхъ насъ... А почему? Вамъ, да и мнѣ, я полагаю, это безразлично: если бы мы хотѣли, то могли бы либеральничать, какъ воробьи: за нами — наши предки. Но такого рода дворяне должны быть консервативны, иначе имъ никто вѣрить не будетъ. Ахъ, мой Боже, надо бы хоть разъ поговорить съ его превосходительствомъ.

Князь сдѣлалъ уклончивое движеніе.

— Милый другъ, вы знаете, я, по принципу, никогда не вмѣшиваюсь въ частныя дѣла моихъ служащихъ...

— Его превосходительство господинъ министръ двора испрашиваетъ милости быть принятымъ,—доложилъ вошедшій слуга.

Князь, обрадованный, кивнулъ головой.

— Аккуратенъ и точенъ, какъ всегда!—сказалъ онъ по выходѣ слуги.—Какъ мнѣ интересно знать! Дворянства нѣтъ болѣе въ нашихъ владѣніяхъ...

— Но за то есть быки,—перебила Цигебейнъ.

III.

Министръ двора фонъ-Мюллеръ казался нѣсколько смущеннымъ, передавая своему повелителю письменный отчетъ по переписи скота.

При всевозможныхъ подробностяхъ и не щадя мѣста, писецъ заполнилъ лишь четыре страницы перечисленіемъ всѣхъ животныхъ въ княжествѣ.

Но князь, повидимому, былъ вполнѣ удовлетворенъ.

Digitized by Google

— Послушайте только,—сказалъ онъ, прочитывая своей дамѣ нѣкоторыя числа. — Что за множество рогатаго скота! А эта гора свиней! И притомъ все наилучшей породы, судя по отмѣткамъ. Кстати сказать, при такомъ положеніи, не можемъ же мы обойтись у себя однимъ быкомъ?

— Жители изъ-за лѣса пользуются, въ случаѣ надобности, прусскимъ,—отвѣчалъ министръ.

Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой.

— Это не годится,—сказалъ онъ.—Вы знаете, въ дипломатію я не вмѣшиваюсь, но о подобныхъ международныхъ сношеніяхъ я и знать не хочу. Мнѣ желательно, въ моихъ владѣніяхъ, сохранить въ чистотѣ нашу собственную породу рогатаго скота. Озаботьтесь, чтобы къ этому были приняты надлежащія мѣры на счетъ государства... Потомъ, что тутъ еще? Между лошадьми оказываются двѣ чистокровныя англійскія? Тутъ кому-то нужно показать примѣръ. У меня на конюшнѣ нѣтъ ни одной чистокровной лошади. Думаете ли вы, что у меня есть деньги на подобную роскошь? Это была бы непростительная расточительность по нынѣшнимъ временамъ!

— Простите, ваша свѣтлость, это двѣ новыя упряжныя лошади придворнаго банкира Ландауэра,—объяснилъ министръ.

— Вотъ какъ?—воскликнулъ князь.—Каковъ разбойникъ! Фалькенштейнъ и чистокровныхъ лошадей покупаетъ! Не захочетъ ли онъ, въ скоромъ времени, купить и мою верховную власть? Скажите ему, чтобы съ будущаго перваго числа онъ платилъ мнѣ двумя процентами больше по займу, а то я взыщу съ него долгъ, а на чистокровныхъ лошадей установлю новый налогъ. Ну, это такъ съ лошадьми. А... и козы есть у насъ? Вашего герба животныя, Аглая... Пѣтухи, гуси, утки.... да, а гдѣ же собаки?

— На послѣдней страницѣ, ваша свѣтлость, какъ менѣе полезныя животныя.

— О, не говорите этого, любезный другъ! Иногда собака полезнѣе вола. Какъ вы выслѣдите лисью нору при помощи вола? Да и какъ домашнее животное, собака такъ забавна, подчасъ забавнѣе людей... Мнѣ самому хотѣлось бы пріобрѣсть еще одну комнатную собаку, но какой породы? Дайте-ка, посмотримъ.... таксу — да... да... это было бы хорошо! Забавное животное, кривоногое, безобразное,— рококо, такъ сказать, только грубое, знаете, мужицкое рококо... О, ихъ тутъ изрядное количество! Понятно, при такомъ развитіи охоты... Но что я вижу? Особыя примѣты: одна такса — пѣгая. Видали-ль вы что либо подобное? Пѣгая такса!

— Это бываетъ, ваша свѣтлость,—замѣтила фрейлина.—Пѣга, какъ теленокъ, но для охоты ничего не стоитъ.

— Да?—съ оживленіемъ спросилъ князь.—Вы, какъ дочь егер-

Digitized by Google

мейстера, должны это знать... Впрочемъ, это все равно. Я хочу ее видѣть. Гдѣ же она находится?

По тонкому, безбородому лицу Мюллера пробѣжала тѣнь неудовольствія.

— Въ селѣ Клейнъ-Брейбахъ, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ.— Дочь... дочь тамошняго пастора, Либэтрей, привезла ее съ собой недавно изъ Тюбингена, гдѣ сама воспитывалась.

— А, каково!—воскликнулъ весело князь,— двѣ, значитъ, новости въ нашихъ владѣніяхъ: пѣгая такса и деревенская дѣвушка, воспитанная за границей! Прекрасно, не такъ ли? Но, безъ сомнѣнія, она подобна всѣмъ пасторскимъ дочкамъ!.. Гм... только продастъ ли она мнѣ ее? Во всякомъ случаѣ, хотѣлось бы увидать собаку... Знаете что, мой милый,— утро такое прекрасное, что, если бы намъ тотчасъ туда отправиться?...

— Простите, ваша свѣтлость,—быстро перебила придворная дама, бросивъ бѣглый взглядъ на смущеннаго министра.— У его превосходительства сегодня есть спѣшное дѣло... мое частное дѣло... Не позволите ли мнѣ заступить его мѣсто?

Князь съ удивленіемъ глядѣлъ на обоихъ.

— Ну, конечно,—сказалъ онъ добродушно.—Ничто не должно быть вамъ помѣхой, любезный Мюллеръ! Ступайте, все остальное вы исполните сами. Если имѣете что либо для подписи, то принесите мнѣ сегодня вечеромъ... И такъ, я поѣду съ нашей милой Цигебейнъ. А пока до свиданья!

— Объясните мнѣ, дорогая Аглая,—сказалъ князь по уходѣ министра,— что это такое? Отчего онъ не хочетъ или не можетъ идти со мной? Вѣдь, это ваше частное дѣло, конечно,—одинъ лишь предлогъ? Я слишкомъ хорошо знаю моего министра двора, Анзельма фонъ-Мюллера. Онъ никогда не позволитъ себѣ уклониться отъ исполненія высочайшаго порученія изъ-за своего частнаго дѣла, развѣ по случаю своей смерти. Быть можетъ, наконецъ, у него непреодолимое отвращеніе къ пѣгимъ таксамъ?

Фрейлина засмѣялась нѣсколько принужденно.

— Я не думаю, чтобы онъ былъ такъ несправедливъ. Бѣдное животное, вѣдь, невиновато, что оно такимъ родилось на свѣтъ. Но, если ваша свѣтлость желаете знать, его превосходительство ненавидитъ пастора. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, добрый Либэтрей ввелъ молодаго Мюллера въ домъ своего стараго школьнаго товарища въ Тюбингенѣ, гдѣ молодой человѣкъ и обучался наукамъ. Такъ вотъ, наше превосходительство думаетъ, что тамъ-то Теобальдъ и всосалъ либеральный ядъ. Хозяинъ дома, будто бы, дикій демократъ, и пасторъ зналъ это. О Боже, я думаю, онъ даже не знаетъ, что что либо подобное существуетъ на свѣтѣ; онъ знаетъ лишь саранчу изъ пророка Іоиля. Иначе, развѣ бы онъ отпустилъ свою дочь въ тотъ же домъ?

Digitized by Google

— Да, да,—сказалъ князь, слушавшій лишь для виду, на самомъ же дѣлѣ онъ былъ погруженъ въ новыя размышленія. Пройдясь раза два по комнатѣ, онъ остановился передъ своей собесѣдницей и, глядя ей прямо въ лицо, сказалъ:—Знаете что, Аглая, а, вѣдь, жаль, что нѣтъ парочки!

— Ради Бога!—воскликнула она.—Что вы хотите сказать, ваша свѣтлость? Объ этомъ уже и думать больше нельзя!

— Да, къ сожалѣнію,—вздохнулъ князь.—А было бы прелестно. Пошли бы потомъ маленькіе... Но это была бы черезчуръ счастливая случайность. Эти животныя слишкомъ рѣдки, не такъ ли?

— Да о чемъ вы говорите, ваша свѣтлость?

— Ну, о пѣгихъ таксахъ. О чемъ же еще могъ я говорить?

— Ахъ, такъ,—сказала она со вздохомъ.—Это, конечно, возможно.

IV.

Они пришли невпопадъ. Пасторъ былъ въ церкви на вѣнчаніи, а фрейлейнъ Іоганна пошла ранехонько съ своей собакой, Вальдманомъ, за черту границы, въ Гроссъ-Брейбахъ, навѣстить дочь казначея того княжества. Такъ докладывала экономка пастора, стоя передъ знатными гостями на порогѣ дома и, за безконечными книксенами, забывая ихъ пригласить въ комнаты. За нею, въ полуоткрытыхъ дверяхъ кухни, стояла служанка, которая, при видѣ орденской звѣзды на груди князя, превратилась отъ удивленія въ настоящій соляной столбъ.

Изъ кухни доходилъ аппетитный запахъ гороховаго супа съ копченными сосисками. Фридрихъ-Фердинандъ смотрѣлъ съ очень недовольнымъ видомъ.

— И такъ, придется намъ ждать,—сказалъ онъ и, открывъ безъ церемоніи дверь жилой комнаты, пропустилъ туда передъ собой свою даму.

— Гм... отозвалась фрейлейнъ фонъ-Цигебейнъ, оглядываясь вокругъ,—очень просто, но чисто. Вотъ рядомъ рабочая комната... много книгъ!.. Посмотрите, ваша свѣтлость, вотъ это и есть молодая дѣвушка. Она указала на маленькій дагерротипный портретъ, въ черной лакированной рамкѣ, висѣвшій надъ диваномъ подъ изображеніемъ Христа, отпечатаннаго масляными красками.

Князь, снявъ портретъ со стѣны, долго смотрѣлъ на него; затѣмъ, взглянувъ съ удивленіемъ на свою даму:

— Посмотрите,—сказалъ онъ:—она, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ красива!

— Я и не утверждала противнаго,—пробормотала та и, взявъ у него изъ рукъ портретъ, повѣсила на мѣсто.

Она, какъ будто, была недовольна его похвалою.

Между тѣмъ, князь сдѣлалъ открытіе: онъ увидалъ за печкой старую соломенную цыновку и смотрѣлъ на нее съ волненіемъ:

Digitized by Google

— И это ея постель! — замѣтилъ онъ.—Неужели она на ней не простуживается? Собаки часто бываютъ такъ чувствительны!

Онъ съ нетерпѣніемъ прошелся раза два по комнатѣ, затѣмъ взялъ книгу съ рабочаго стола, стоявшаго у окна.

— Посмотрите,—сказалъ онъ,—здѣсь, однако, относятся съ уваженіемъ къ вашимъ классикамъ, милая Аглая. «Эмилія Галотти» Лессинга—вотъ что они читаютъ!

— Прочтите и вы это, ваша свѣтлость, это очень поучительная вещь.

— Конечно,—отвѣтилъ князь беззаботно и открылъ книгу на мѣстѣ, гдѣ была закладка: зеленая лента съ вышитою на ней бѣлымъ надписью: «Господь мой пастырь, я ни въ чемъ нуждаться не буду». Онъ прочиталъ съ полъ-страницы, вложилъ опять ленту и захлопнулъ книгу.

— Простой бездѣльникъ, этотъ Маринелли,—проворчалъ онъ,—но это бываетъ...

— О, да,—подтвердила Цигебейнъ.

Въ эту минуту дверь распахнулась, и вошелъ пасторъ, еще въ облаченіи и съ выраженіемъ торжественности на чрезвычайно добродушномъ, выбритомъ лицѣ. За нимъ вошла и его дочь. Они сошлись въ дверяхъ.

— Ваша свѣтлость, какая честь!—началъ пасторъ.—Вотъ настоящая радость подъ моей скромной кровлей! Помазанникъ Божій не гнушается войти подъ нее!

— Что вы, что вы!—сказалъ князь.—Мнѣ уже давно хотѣлось навѣдаться, любезный пасторъ Либэтрей, какъ вы поживаете. Это ваша дочь, не такъ ли?

Молодая дѣвушка присѣла очень низко, смущенная и съ опущенными глазами. Въ дѣйствительности она была еще гораздо красивѣе, чѣмъ на портретѣ: изящная, почти еще дѣтская фигура, въ высоко подпоясанномъ бѣломъ платьѣ, оставившемъ открытыми нѣжно округленныя руки и узенькую полоску около шеи; милое, круглое личико, съ не очень длинными бѣлокурыми локонами, и надъ всѣмъ этимъ—естественная прелесть, разлитая по всему ея существу, какъ солнечный лучъ.

Когда князь, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, протянулъ руку и ей, она съ такою дѣтскою благодарностью посмотрѣла на него своими ясными голубыми глазами, что онъ былъ чрезвычайно тронутъ.

Вдругъ, при сильномъ царапаньи, слегка притворенная дверь открылась, и что-то длинное, четвероногое, бѣшено, съ дикимъ лаемъ, бросилось къ высокимъ сапогамъ монарха, съ восторгомъ смотрѣвшаго на необыкновенную тварь.

— Ну, эта дѣйствительно заслуживаетъ особой отмѣтки въ описи животныхъ!—воскликнула придворная дама.

Digitized by Google

— Ахъ, да, бѣдное животное очень уродливо,—печально сказала Іоганна. Она схватила таксу за шиворотъ и, присѣвъ къ полу, на корточки, удерживала ее обѣими руками отъ новыхъ нападеній.

— Вовсе нѣтъ... она великолѣпна! — воскликнулъ князь, продолжая разсматривать причудливыя бѣлыя, желтыя и черныя пятна на длинномъ вогнутомъ тѣлѣ, породистую, острую, дерзкую голову, съ длинными висячими ушами, изъ которыхъ одно сіяло изящною бѣлизной, а другое вмѣстѣ съ верхнею частью морды, было черное съ пучками желтыхъ волосъ.

— Каковъ видъ!

— Великолѣпенъ,— замѣтила фрейлейнъ Аглая. — Точно, какъ будто природа впотьмахъ растирала краски на своей палитрѣ.

— Можно мнѣ взять ее на руки?—спросилъ князь.

Іоганна Либэтрей съ удивленіемъ, не говоря ни слова, посмотрѣла на него.

— Она кусается... — прошептала она, наконецъ. Но Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ умѣлъ обходиться съ собаками. Черезъ нѣсколько минутъ пестрый Вальдманъ улегся, совершенно довольный, на колѣняхъ своего новаго покровителя; а удовлетворенное княжеское высочество, сидя на диванѣ, рядомъ съ дочерью хозяина, велъ переговоры объ уступкѣ ему этого чуда природы.

Нѣтъ, продать животное Іоганна Либэтрей не хотѣла... Но, если его свѣтлость позволитъ, то она проситъ принять собаку въ подарокъ... И, пока князь путался въ благодарности, она продолжала съ дѣтскимъ смѣхомъ:

— Это, конечно, самое лучшее для безопасности Вальдмана. Мы тутъ слишкомъ близко отъ границы... Онъ браконируетъ, бѣдняга, и егеря того княжества чуть было разъ уже его не застрѣлили.

— Что?—спросилъ князь.—Застрѣлить? Эту собаку застрѣлить?!

Ни разу еще все то, что дѣлалось или предполагалось во владѣніяхъ младшей линіи, не волновало его такъ сильно.

Тѣмъ временемъ, фрейлейнъ Аглая вступила съ пасторомъ въ разговоръ о состояніи его прихода. Князь съ Іоганной продолжали болтать: сначала о добродѣтеляхъ и порокахъ пѣгаго, а потомъ про Тюбингенъ и многое другое. Смущеніе молодой дѣвушки постепенно проходило. Князь говорилъ такъ ласково и просто, точно добрый, любящій дядя.

— Вы много читаете?—спросилъ онъ.—Я только что позволилъ себѣ заглянуть въ вашу книгу. Дѣльное произведеніе, да, да... Этотъ Лессингъ, онъ это понималъ... Скажите мнѣ, однако, мое милое дитя, васъ очень трогаетъ такая... такая печальная исторія?

Она съ живостью покачала головой и сложила ручки.

— О, да, это слишкомъ ужасно, не правда ли? Но это было уже давно... Я думаю, теперь ничего подобнаго случиться не можетъ... Да и раньше оно было, вѣроятно, лишь печальнымъ исключеніемъ.

Digitized by Google

Я всегда думаю, что Господь и прежде одарялъ королей и князей болѣе всего королевскимъ сердцемъ для того, чтобы они правили въ его духѣ, карали зло и не допускали нужды, какъ... какъ,—она покраснѣла и остановилась.

— Что же, какъ?.. пришелъ ей князь на помощь, съ улыбкой разсматривая ея кроткое личико.

— Какъ это дѣлаетъ ваша свѣтлость,—храбро продолжала она. Она смотрѣла на него восторженными глазами, въ которыхъ не было ни тѣни преднамѣренной лести. — Всѣ иностранцы говорятъ, насколько все-таки у насъ людямъ легче переносить этотъ жестокій неурожайный годъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И этимъ подданные обязаны лишь тѣмъ отеческимъ заботамъ, съ которыми ваша свѣтлость заблаговременно отнеслись къ нимъ. Раздача сѣмянъ, зерна, корма для скота, уменьшеніе налоговъ и арендной платы...

— Да, да,—перебилъ Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ. Онъ избѣгалъ ея сіяющаго взгляда, краска бросилась ему въ лицо.—Этотъ Мюллеръ,—думалъ онъ,—должно быть, дѣйствительно хорошо обо всемъ позаботился... по обыкновенію. Она же меня за это хвалитъ! Еслибъ я хоть немного зналъ, что именно было сдѣлано...

Пасторъ услыхалъ послѣднія слова своей дочери.

— Это точно,—началъ онъ,—наши крестьяне глубоко благодарны вашей свѣтлости за такую предусмотрительную заботу въ годину бѣдствія, наставшую для всей дорогой германской земли, какъ язва саранчи надъ Израилемъ, о чемъ Іоиль въ главѣ первой, въ стихѣ пятнадцатомъ, говоритъ: «Горе дню сему! Ибо день Господень близокъ, и придетъ онъ, какъ опустошеніе отъ Всемогущаго. Тогда пища исчезнетъ съ глазъ нашихъ, а изъ дома Бога нашего — радость и веселіе. Сѣмя въ землѣ истлѣло, житницы опустѣли, амбары разрушены, хлѣба не стало. О, какъ стонетъ скотъ!» Да, жестокія времена. Есть много областей, гдѣ фунтъ чернаго хлѣба стоилъ въ нынѣшнемъ году десять крейцеровъ и болѣе и, несмотря на лучшій урожай, держится все въ той же цѣнѣ. Ваша свѣтлость, знаете лучше, чѣмъ я, что это обозначаетъ.

— Да, да,—вздохнулъ князь, смущенно поглаживая таксу.

— Но во владѣніяхъ вашей свѣтлости легко все-таки это переносится,—продолжалъ пасторъ.—Ваша свѣтлость сами можете замѣтить разницу... Тамъ, мои прихожане за пограничной чертой... Ахъ, къ несчастью, правительство тамъ не имѣетъ средствъ, чтобы въ такой же степени облегчить нужду. Многіе теперь уже переходятъ границу, стучатся въ двери и просятъ милостыни... Что же будетъ зимой! Да поможетъ Господь своему народу, чтобы исполнилось по слову Іоиля, глава 2, стихъ 22: «Не бойтесь, ибо пастбища пустыни позеленѣютъ, деревья принесутъ плоды, смоковница и виноградная лоза покроются ими въ изобиліи».

Князь бросилъ умоляющій взглядъ на придворную даму; въ

Digitized by Google

отвѣтъ та только серіозно посмотрѣла на него, не промолвя ни слова.

— Да, да,—замѣтилъ онъ наконецъ,—знаете, господинъ пасторъ, мы всѣ должны исполнять свой долгъ... Я... я немедленно отдамъ надлежащія приказанія.

Пестрый Вальдманъ повернулъ голову и почти лукаво посмотрѣлъ на монарха своими карими глазами.

Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ очутился въ большомъ затрудненіи и обратился къ Іоганнѣ:

— Мы слышимъ очень пріятный запахъ изъ вашей кухни, милое дитя. ... мое любимое кушанье. ... еслибъ вы позволили намъ пригласить себя къ вашему столу... Мой слуга могъ бы, пожалуй, съѣздить и привезти кое-какія мелочи изъ придворной кухни...

— Простите, ваша свѣтлость,—съ живостью подхватила фрейлейнъ Аглая,—нашимъ милымъ хозяевамъ будетъ, безъ сомнѣнія, пріятнѣе, если мы никакихъ церемоній дѣлать не будемъ. Я въ самомъ дѣлѣ очень люблю гороховый супъ съ сосисками,—добавила она съ легкою усмѣшкой.

— Гм... да,—неувѣренно произнесъ князь,—если вы думаете...

Іоганна уже встала съ мѣста.

— Что за радость!—воскликнула она, покраснѣвъ и хлопая въ ладоши.

— Да, дѣйствительно, какая честь и радость,—поправилъ ее отецъ.—Но, дитя мое. ... и онъ съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на свою дочь.

— Вы думаете о томъ, господинъ пасторъ, довольно ли будетъ всего: заботу объ этомъ предоставьте намъ, женщинамъ. Не правда ли, милое дитя? Вы мнѣ позволите пойти съ вами и сдѣлать смотръ хозяйству. Экипажъ мы отошлемъ до вечера. Ваша свѣтлость, надѣюсь, милостиво разрѣшаете намъ удалиться? Тѣмъ временемъ, господинъ пасторъ разскажетъ еще, быть можетъ, его свѣтлости кое-что о голодающихъ?...

— Да, конечно,—сказалъ князь.

V.

Вечерняя заря сіяла уже за лѣсистыми горами по ту сторону маленькой столицы, когда они возвратились домой. Пестрый Вальдманъ сидѣлъ на заднемъ сидѣньи и съ наклоненною на-бокъ головой осматривалъ то своихъ новыхъ господъ, то крестьянъ, сторонившихся и почтительно кланявшихся при встрѣчѣ съ княжескимъ экипажемъ.

— Прелесть! совсѣмъ прелесть!—бормоталъ князь.

— О комъ говоритъ ваша свѣтлость?—спросила фрейлейнъ Аглая.—О таксѣ, о пасторѣ, объ угощеніи или о дѣвочкѣ?

Digitized by Google

— Ахъ, конечно, обо всемъ,—отвѣчалъ князь.—Знаете, Аглая, этотъ старый пасторъ вовсе не такъ плохъ. Во всякомъ случаѣ, онъ заставилъ меня призадуматься. Конечно, я все это зналъ уже... ... но это чего нибудь да стоитъ—услышать голосъ духовнаго лица изъ народа... Что же касается стола, то отчего вы усомнились въ моей слабости къ гороховому супу? Мнѣ онъ чрезвычайно понравился, чрезвычайно... Кофе, да, сортъ немного плоховатъ... но это такъ здорово, такъ возбуждаетъ аппетитъ... Вы не можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я думаю объ ужинѣ! Но, что касается дѣвочки—à merveille! Это сама обворожительная прелесть! И такая,—какъ бы это сказать,—такая росистая, знаете, такая свѣжая, какъ бутонъ розы въ четыре часа утра... Не забудьте, что въ воскресенье они оба у насъ обѣдаютъ. Кстати, о чемъ вы послѣ кофе такъ долго разговаривали съ дѣвочкой въ бесѣдкѣ, обросшей бобами?

— Женскія исторіи, ваша свѣтлость,—отвѣчала Цигебейнъ, пожавъ плечами.—Она только немного облегчила свое сердечко. До мужчинъ это не касается.

— И до монарха тоже?—спросилъ князь, котораго пріятно проведенный день очень оживилъ.—Это жаль. Не заговоръ же вы задумали? Я надѣюсь, что вы мнѣ ее не запутаете въ политику.

— Напротивъ того, ваша свѣтлость,—спокойно отвѣчала Цигебейнъ.

VI.

Пѣгій Вальдманъ,—собака-теленокъ, какъ его называла фрейлейнъ фонъ-Цигебейнъ,—лежалъ растянувшись на своемъ одѣялѣ, передъ каминомъ, въ княжеской передней и, пресыщенный, играя, жевалъ остатокъ колбасы, которую, по высочайшему повелѣнію, камердинеръ каждое утро долженъ былъ приносить ему. Майоръ Вёллерманъ, только что вышедшій изъ кабинета князя послѣ доклада, смотрѣлъ на него съ боязнью и задумчиво.

— Любопытная тварь!—ворчалъ онъ.—Вотъ шесть недѣль, какъ это животное въ замкѣ, и съ тѣхъ поръ его свѣтлость точно подмѣнили. Лишь бы все это хорошо кончилось!.. Онъ отвернулся съ нѣкоторою поспѣшностью и вышелъ изъ передней.

Хотя, быть можетъ, не всѣ при дворѣ и въ столицѣ раздѣляли суевѣрныя мысли стараго героя, однако относительно монарха всѣ были одного съ нимъ мнѣнія. Фридрихъ-Фердинандъ сильно измѣнился. Ему теперь требовалось такъ много времени для управленія государствомъ, что его ученыя занятія на обсерваторіи становились съ каждымъ днемъ короче и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Все, что поступало къ нему для подписи, прочитывалось имъ съ начала до конца и, затѣмъ, часто вовсе не подписывалось. Доклады министра двора неоднократно прерывалъ онъ вопросами, почти всегда относивши-

Digitized by Google

мися къ дѣлу. Онъ доходилъ даже до самостоятельныхъ распоряженій. Разъ, невзначай, пришелъ онъ въ государственную канцелярію въ то время, когда министра двора тамъ не было, а всѣ чиновники сидѣли за завтракомъ; приказалъ себѣ показать различныя дѣла и страшно негодовалъ на нѣкоторыя распоряженія. Внезапно появлялся онъ въ казармахъ лейбъ-роты, пробовалъ кушанье и находилъ его отвратительнымъ. Пища послѣ этого не дѣлалась лучше, но теперь ежедневно, на указанномъ мѣстѣ, ставилась порція лучшаго качества, на случай, если высочайшій главнокомандующій захочетъ опять попробовать пищу. Даже отъ столичнаго магистрата, общественныя злоупотребленія котораго порицались въ корреспонденціи одной «заграничной» газеты, князь потребовалъ немедленнаго доклада и, возвративъ его, сдѣлалъ на поляхъ синимъ карандашемъ весьма колкія помѣтки.

Ему самому, видимо, шла въ прокъ эта усиленная дѣятельность: онъ былъ веселъ и не замѣчалъ смущенія и безпокойства въ тѣхъ кругахъ, которые онъ внезапно потревожилъ. Даже Цигебейнъ онъ сильно раздражалъ, серьезно требуя отъ нея, чтобы, при раздачѣ рождественскихъ подарковъ, она давала каждому мѣстному бѣдняку, вмѣстѣ съ обычными шерстяными носками и жесткими талерами, томъ классическихъ стихотвореній.

— Знаете, Аглая, надо пріучать народъ понимать хорошую литературу,—пояснялъ онъ.

— Къ чему это, ваша свѣтлость? — съ колкостью возражала Цигебейнъ.—Разница между народомъ и князьями и такъ уже довольно велика!

Къ счастью, онъ и въ этотъ разъ ее не понялъ.

Вальдманъ былъ очень доволенъ своимъ господиномъ, котораго онъ никогда не зналъ инымъ. Онъ чувствовалъ преимущество своего положенія и привязался со всею вѣрностью къ своему новому повелителю. Послѣдній бралъ его съ собой повсюду и тѣмъ сдѣлалъ его появленіе устрашающимъ. Гдѣ пѣгаго было слышно или видно, тамъ по близости была и его свѣтлость, а потому собаку повсюду принимали съ почтительнымъ вниманіемъ, къ которому она умѣла относиться съ сознаніемъ собственнаго достоинства, наклоняя голову на бокъ и небрежно помахивая хвостомъ. И еще одна особа, подобно Вальдману, узнавшая монарха ближе съ того же времени, смотрѣла на него съ такимъ же невозмутимымъ благоговѣніемъ.

Уже два-три раза Іоганна Либэтрей появлялась съ своимъ отцомъ у обѣденнаго стола въ замкѣ. Здѣсь она разнилась отъ посѣдѣлыхъ придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, какъ прекрасный скромный колокольчикъ отличается отъ золотыхъ и серебряныхъ астръ.

Вальдманъ встрѣчалъ ее сдержанно довѣрчиво, какъ требовали его новыя обязанности; фрейлейнъ Цигебейнъ обращалась съ нею

Digitized by Google

съ нѣжностью бабушки; а пожилые мужчины, въ томъ числѣ и князь, забывали почти о ѣдѣ и напиткахъ, глядя на прелесть ея облика.

Въ такіе дни министръ двора не присутствовалъ за обѣдомъ. Ясно было, что теперь онъ рѣже посѣщаетъ замокъ. Работы было у него слишкомъ много въ эти тяжелыя времена.

Съ наступленіемъ зимы нужда становилась очень чувствительною, какъ это и предвидѣлъ пасторъ Либэтрей. Крестьяне знали, что не правительство, вѣдь, дѣлаетъ погоду, и, видя, что по сосѣдству было еще хуже, не то, чтобы ворчали, но съ мучительнымъ постоянствомъ страдающихъ дѣтей взирали туда, откуда привыкли получать совѣтъ и помощь. Въ нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ центрахъ маленькой страны, а прежде всего въ ея маленькой столицѣ, экономическій гнетъ открылъ, такъ сказать, клапанъ для духа критики, на усиленіе которой министръ двора давно уже смотрѣлъ съ огорченіемъ. Внезапное, какъ бы скачками, вмѣшательство князя въ дѣла давало недовольнымъ поводъ вспоминать о томъ, какъ ничтожно обезпеченіе противъ такого же вмѣшательства, но лишь въ обратную, злую сторону; въ народѣ усердно распространялись примѣры злостнаго произвола власти въ другихъ государствахъ, и всѣ спрашивали, долго ли еще это будетъ продолжаться. Въ собраніяхъ и трактирахъ опять зазвучали великія слова о германскомъ единствѣ, о свободѣ и роскоши, о вольномъ избраніи народнаго представительства, о едва дремлющемъ императорѣ Рыжей Бородѣ и о совсѣмъ уснувшемъ «нѣмецкомъ псѣ» во Франкфуртѣ. Но сильнѣе всего разжигало умы смѣлое словечко, въ видѣ отвѣта депутаціи нуждающихся ремесленниковъ на одно привѣтствіе князя: «Въ смутное время полезно спокойствіе», — сказалъ онъ. — «Спокойствіе хорошо, но конституція была бы еще лучше», — отвѣчали недовольные граждане [1]). Распѣвали всюду пѣснь съ припѣвомъ именно этого содержанія; говорили, что эту пѣснь сочинилъ и тайно прислалъ на родину своимъ друзьямъ докторъ правъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ, сынъ министра двора.

Послѣдній, однако, дѣлалъ свое дѣло, не взирая на семейныя отношенія. Онъ предложилъ болѣе строгія мѣры противъ революціоннаго духа, объ усиленіи коего въ странѣ конфиденціально сообщали родственные сосѣдніе дворы. Но Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ ничего не хотѣлъ знать объ этомъ.

— Позвольте же имъ хоть немного порезонировать, мой милый, — говорилъ онъ. — Я вашей службой доволенъ, и этого вамъ должно быть достаточно. Только не слишкомъ стѣсняйте болтовню! Что вы думаете, если бы князь Меттернихъ въ Вѣнѣ принималъ къ сердцу

---

[1]) Здѣсь игра словъ попѣмецки: Fassung—спокойствіе, терпѣніе; Verfassung—конституція. Прим. переводч.

Digitized by Google

всѣ злыя рѣчи, онъ, вѣдь, давно долженъ былъ бы умереть. И что за дѣло моему кузену до этого! Боже милосердный! ему бы ужъ съ его рулеткой и «Rouge ou Noir» слѣдовало сидѣть смирно! Чѣмъ мнѣ отъ него выслушивать совѣты по политикѣ, я лучше обращусь за ними къ моему милому Вальдману.

VII.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора, князь предпринялъ съ Вальдманомъ прогулку черезъ лѣсъ, простиравшійся съ западной стороны до послѣднихъ домовъ маленькой столицы. Это было удовольствіе, во вкусъ котораго Фридрихъ-Фердинандъ опять вошелъ лишь съ пріобрѣтеніемъ пѣгаго. Его забавляло наблюдать во время пріятной прогулки за неутомимою дѣятельностію своего четвероногаго адъютанта, бѣжавшаго всегда впереди, съ носомъ у земли. Сильными и быстрыми движеніями переднихъ лапъ собака дѣлала раскопки въ подземномъ царствѣ или, отъ избытка жизнерадостности, валялась по землѣ, пока ея пестрая шерсть не облипала вся пожелтѣвшими, сырыми листьями. Иногда Вальдманъ вдругъ исчезалъ въ глубинѣ лѣса, гоняясь съ громкимъ лаемъ по какому-то слѣду, повинуясь, вѣроятно, тому сильному инстинкту, который жилъ въ немъ, несмотря на его пребываніе и воспитаніе въ городѣ. И высочайшая власть слабо проявляла себя въ борьбѣ съ этимъ охотничьимъ инстинктомъ собаки. Со временемъ установился такой modus vivendi: князь ждетъ, медленно прогуливаясь, до тѣхъ поръ, пока четвероногій браконьеръ, съ лаемъ и махая хвостомъ, опять не присоединится къ нему; тутъ онъ его слегка ударитъ палкой, такса подастъ лапку, отряхнется, и миръ заключенъ до новаго бѣгства.

Въ этотъ разъ Вальдманъ пропадалъ дольше; князь былъ въ нетерпѣніи, свисталъ и звалъ напрасно.—Ну, подожди ты у меня, негодяй, когда вернешься!—ворчалъ онъ, помахивая съ угрожающимъ жестомъ бамбуковою тростью въ правой рукѣ. Тутъ онъ увидалъ, между сухихъ вѣтвей орѣховаго куста, хорошо знакомую пеструю голову. Собака смотрѣла на него внимательно, но, повидимому, не испытывала ни малѣйшаго раскаянія.

— Вальдманъ, сюда, негодяй!—кричалъ князь. Собака ворчала и, помахивая ушами, точно не узнавала.

Въ эту минуту, съ противоположной стороны изгиба дороги, сильный мужской голосъ позвалъ нѣсколько разъ: «Вальдина!». Собака прислушалась, скакнула на дорогу и, бросивъ послѣдній презрительный взглядъ на князя, пустилась бѣжать къ повороту дороги. Князь, сильно возбужденный, смотрѣлъ ей вслѣдъ.—Ну, конечно, Вальдина,—бормоталъ онъ,—но совсѣмъ та же окраска. Только хвостъ бѣлый вмѣсто чернаго... Вотъ была бы у насъ парочка!

Digitized by Google

Наконецъ, показался и хозяинъ Вальдины. Это былъ молодой человѣкъ, въ очкахъ, съ свѣтлыми усами и длинными бѣлокурыми волосами, въ одеждѣ бюргера, нѣсколько искусственно небрежной, въ легкомъ пальто и большой, съ опущенными полями, шляпѣ.

— Кого я вижу!—воскликнулъ удивленно князь,—докторъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ! Какъ же это вы вдругъ здѣсь появились? Это ваша собака?!.. Въ такомъ случаѣ я очень бы желалъ купить ее у васъ. У меня есть кобель той же породы, и мнѣ очень бы хотѣлось имѣть парочку.

Молодой человѣкъ улыбался немного принужденно.

— Они братъ и сестра, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ онъ.—У васъ Вальдманъ отъ... отъ фрейлинъ Либэтрей, не правда ли?

— Да, да,—сказалъ князь съ нетерпѣніемъ.—Ну, сколько же вы хотите за нее?

— Никакихъ денегъ, ваша свѣтлость. У меня ихъ еще довольно, а своего единственнаго спутника, вѣдь, не продаютъ? Но вы можете получить ее взамѣнъ одной милости, которую, къ сожалѣнію, я вынужденъ испросить для себя, а именно: разрѣшить мнѣ безпрепятственное пребываніе здѣсь, на моей родинѣ. Въ настоящую минуту я изгнанъ изъ всѣхъ германскихъ государствъ. Сюда, какъ вы меня видите, довелъ меня вчера до вашей границы, именемъ его прусскаго величества, жандармъ,—славный, впрочемъ, малый.

Князь съ состраданіемъ и задумчиво смотрѣлъ на молодого человѣка.

— Однако, это для васъ печальная исторія, мой милый,—сказалъ онъ.—Отцу вашего отечества вы дѣйствительно доставляете мало радости, а о вашемъ родномъ отцѣ я ужъ и не говорю... И къ чему вамъ все сочинять эти политическія стихотворенія? Я вообще не касаюсь чьей либо страсти: по-моему, пишите себѣ, сколько хотите. Но развѣ непремѣнно нужно писать о политикѣ? Посмотрите только, какъ много есть другихъ предметовъ, напримѣръ: Богъ, природа, добродѣтель, безсмертіе. Возьмите Тидге, онъ обо всемъ этомъ цѣлую книгу написалъ; моя сестра постоянно ее читала; скучновато, правда, немного, но ни одинъ человѣкъ его за эту книгу ни откуда не изгонялъ. А затѣмъ, говоря вообще, сочиненіе стиховъ не составляетъ же цѣли жизни. Вы, вѣдь, отличный юристъ, отчего же вы не поступили ко мнѣ на государственную службу? Вы могли бы теперь быть уже консисторіальнымъ ассесоромъ; старикъ Веммерлейнъ хочетъ выйти въ отставку.

Молодой докторъ, покачавъ отрицательно головой и гордо поднявъ ее, сказалъ:

— Пока положеніе дѣлъ таково, силы каждаго нѣмца, имѣющаго сердце, принадлежатъ родинѣ!

— Ну, да,—отвѣчалъ князь съ удовольствіемъ,—это-то я и говорю. Вотъ такимъ образомъ вы и должны принадлежать государ-

Digitized by Google

ственной службѣ. Приходите же завтра ко мнѣ, и мы поговоримъ обстоятельнѣе. Переговорить же съ вашимъ отцомъ я беру на себя.

Поэтъ печально поднялъ правую руку къ небу:

— О, такъ-то всегда князья смѣшиваютъ службу ихъ престолу со службой отечеству!—воскликнулъ онъ,—отечеству, которое безъ этого заблужденія было бы давно уже велико, свободно, едино и сильно! Ваша свѣтлость, у васъ доброе сердце; я знаю все, что вы для меня сдѣлали съ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, да и крестьяне разсказываютъ, какъ вы заботились о своихъ подданныхъ въ это тяжелое время,—простите меня, если я свободно обращусь къ этому сердцу: будьте вы первымъ между германскими князьями, который отважится добровольно передать корону самодержавія въ руки народа для того, чтобы вновь отъ него получить ее, какъ корону свободы и законности! Ваше государство одно изъ самыхъ малыхъ, но имя ваше будетъ величайшимъ въ Германіи, если оно первымъ засіяетъ на пути примиренія! Народъ будетъ васъ благословлять; короли и князья, пристыженные, послѣдуютъ вашему примѣру, а эти дубы, которые теперь, съ первымъ инеемъ, замолкнутъ надъ вами, съ радостною гордостью зашумятъ своей весенней листвой надъ свободнымъ народомъ. Будьте же первымъ, который разорветъ цѣпи самовластія!

Францъ-Фридрихъ-Фэрдинандъ оперся о пень дуба. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на воодушевленнаго оратора, не прерывая его.

— Послушайте, добрѣйшій,—сказалъ онъ спокойно,—я вамъ далъ высказаться... Вы говорите прекрасно... почти какъ въ стихахъ; изъ нихъ, конечно, вы это и берете, по большей части. Но теперь позвольте вамъ сказать, что въ практическихъ вещахъ вы совсѣмъ младенецъ... Какъ вы все это себѣ представляете? Не говоря уже о томъ, что подъ старость лѣтъ я не могу мѣнять ремесла,—оно, къ тому же, единственное, которому я обучался,—но неужели вы дѣйствительно думаете, что кто нибудь обратитъ вниманіе на то, что какой-то князекъ тоже пошелъ въ вольнодумцы и демократы? О Господи, я—и революціонный герой! Хотѣлъ бы я услыхать смѣхъ, который былъ бы этимъ вызванъ у Меттерниха въ Вѣнѣ... Присмотритесь-ка хоть разъ къ тѣмъ государствамъ, гдѣ народъ, черезъ ландтагъ, принимаетъ участіе въ управленіи... Тамъ зрѣлище еще хуже... И вообще, что это все значитъ: народъ! народъ!! Знаете ли вы, въ чемъ, напримѣръ, у насъ въ нынѣшнемъ году нуждается народъ? Въ картофелѣ, сѣменахъ и кормѣ для скота. Вы думаете, это дешево стоитъ? Вашъ бѣдный старикъ отецъ изворачивается, чтобы добыть необходимое, а вы... покормите-ка свинью вашей поэзіей, будетъ ли она сыта ею!

Поэтъ горько усмѣхнулся.

— Вѣчно одно и то же, точно эхо,—сказалъ онъ.—Извините меня, ваша свѣтлость, что я, въ простотѣ своей, обратился къ властителю съ рѣчью о свободѣ! Я...

Digitized by Google

— Замолчите,— перебилъ его сердито князь и ударилъ свою собаку, которая, тѣмъ временемъ, отыскалась и справляла свое радостное свиданіе съ Вальдиной.—Довольно намъ теперь этихъ глупостей!.. Постарѣйте немного, мой милый!.. Что же касается вашей личной свободы, то живите себѣ въ моихъ владѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока изъ краснаго не превратитесь въ чернаго. Я не изгонялъ еще ни одного демократа. Прошу лишь объ одномъ: никакихъ подобныхъ публичныхъ рѣчей въ моей резиденціи. Мнѣ бы это все равно... но я желаю, чтобы вы пощадили вашего славнаго отца... Не хочу имѣть никакихъ трагическихъ сценъ передъ моими окнами, понимаете? Итакъ, за исключеніемъ столицы, можете дѣлать все, что вамъ угодно... А собаку, если не хотите мнѣ ее продать, оставьте у себя... За мою верховную защиту заплатить мнѣ собакой нельзя, будь она хоть ярко-желтаго цвѣта съ голубыми ушами... Оставьте ее у себя, вы еще можете кое-чему научиться у кривоногаго животнаго! Прощайте, господинъ поэтъ... Allons, Вальдманъ!

Съ этими словами онъ повернулся и быстро зашагалъ впередъ, Вальдманъ послѣдовалъ за нимъ, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на Вальдину.

VIII.

Ноябрь уже отошелъ и притомъ съ самымъ угрюмымъ лицомъ, какое только возможно для этого угрюмѣйшаго изъ всѣхъ мѣсяцевъ въ году. Всюду была скверная погода, въ томъ числѣ и внутри княжескаго замка. Уже двѣ недѣли, какъ Фридрихъ-Фердинандъ управлялъ государствомъ изъ своей комнаты. Сидя въ креслѣ, предъ каминомъ, съ обвязанною толстымъ слоемъ ваты правою ногой, страдающею ревматизмомъ, онъ вздыхалъ, стоналъ и даже, при неосторожныхъ движеніяхъ, изрекалъ проклятія болѣе сильныя, нежели это подобаетъ князю-христіанину. Но чуть ли не больше ревматизма мучила его безмолвная тоска, овладѣвшая имъ послѣ встрѣчи съ пестрою Вальдиной. Напрасно Вальдманъ продѣлывалъ свои штуки, желая развеселить своего владыку: всѣ его удивительныя прелести были въ глазахъ князя все-таки чѣмъ-то половиннымъ...

Печаль эту не могла прогнать и Цигебейнъ со всей своей болтовней и почти материнскими заботами. Дурное расположеніе духа князя длилось, но ни разу не оттолкнуло отъ него его вѣрную подругу; однако, глядя на пеструю таксу, фрейлина все болѣе склонялась къ мнѣнію о ней майора Бёллермана. Вообще она любила животныхъ, но если бы ея тайное желаніе могло исполниться, то Вальдманъ и Вальдина, быстро и безъ шума, исчезли бы изъ этой временной жизни.

Министръ двора тоже ходилъ молчаливый и удрученный. Сообщеніе со стороны князя о томъ, что доктору Теобальду фонъ-Мюллеру разрѣшено пребываніе въ княжествѣ, за исключеніемъ столицы,

Digitized by Google

было имъ принято молча, съ официальнымъ поклономъ. Самъ докторъ не подавалъ никакого повода къ посягательству на него со стороны полиціи. Нанявъ себѣ помѣщеніе въ домѣ одного крестьянина, невдалекѣ отъ Клейнъ-Брейбаха, онъ жилъ, предаваясь, повидимому, исключительно поэтическимъ занятіямъ. Одна иностранная издательская фирма возвѣстила о предстоящемъ выходѣ къ Рождеству его драмы: «Паденіе Тарквинцевъ». Пока книга не появилась, было еще неизвѣстно, не способно ли это драматическое описаніе революціи 510 года до Рождества Христова расшатать основы Священнаго Союза. Министръ двора долженъ былъ, однако, взирать съ досадой и страхомъ на то, какъ его сынъ (хотя онъ, съ своей стороны, ничего не дѣлалъ для этого) становился все болѣе и болѣе героемъ-мученикомъ среди недовольныхъ бюргеровъ. Портретъ его во многихъ домахъ висѣлъ рядомъ и даже надъ портретомъ князя, а молодыя дамы со страстью ѣли миндаль, единственно для того, чтобы, играя въ «Vielliebchen», имѣть возможность выиграть собраніе его стихотвореній: «Пѣсни полупробужденнаго».

Впрочемъ, революціонные голоса замѣтно утихли среди гражданъ: пріятныя хлопоты по приготовленію рождественскаго стола отодвинули временно на задній планъ высокія мысли о германскомъ единствѣ и о свободѣ. Но министръ двора фонъ-Мюллеръ достаточно времени управлялъ государственными и своими собственными финансами, чтобы знать, что съ появленіемъ новогоднихъ счетовъ это миролюбивое настроеніе прекратится, уступивъ мѣсто еще болѣе сильному расположенію къ разглагольствованіямъ.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ, недѣли три спустя по прибытіи доктора фонъ-Мюллера въ край, прибавилась еще одна—незнакомою рукой написанное анонимное извѣстіе, заставившее министра двора, послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжкаго раздумья, отправиться одному, пѣшкомъ, въ сумерки, въ Клейнъ-Брейбахъ, въ домъ пастора, такъ долго имъ избѣгаемый.

И тамъ дурная погода проникла сквозь стѣны въ сердца людей. Іоганна стала молчалива; ея блѣдность и подозрительную красноту глазъ началъ замѣчать и отецъ, возвращаясь со своихъ утомительныхъ прогулокъ, вызываемыхъ долгомъ и человѣколюбіемъ. И другія еще заботы угнетали его.

Когда министръ двора вошелъ въ его рабочую комнату, онъ былъ занятъ, при слабомъ свѣтѣ лампы, приготовленіемъ проповѣди на текстъ изъ пророка Іоиля, глава первая, стихъ девятый: «Нѣтъ болѣе жертвоприношеній и возліяній на столѣ Господнемъ; и священники, слуги Господа, скорбятъ».

Сильно удивленъ былъ пасторъ, когда, поднявъ голову отъ этого печальнаго текста, онъ увидалъ своего посѣтителя.

— Вы, конечно, меня не ожидали, господинъ пасторъ?—сказалъ министръ.

Digitized by Google

— Правду сказать,—отвѣчалъ пасторъ,—эта честь дѣйствительно меня поражаетъ. Послѣ тѣхъ печальныхъ объясненій вашего превосходительства при нашемъ послѣднемъ свиданіи, объясненій, которыя я позволилъ себѣ выслушать не безъ прекословія...

— И къ которымъ, къ сожалѣнію, я долженъ возвратиться,— перебилъ министръ.—Вы знаете мое мнѣніе о томъ вліяніи, которому, къ моему прискорбію, сынъ мой поддался въ домѣ, вами ему рекомендованномъ. Вслѣдствіе этого вліянія наши съ нимъ дороги разошлись въ противоположныя стороны. Онъ совершеннолѣтній и потому самостоятеленъ, конечно. Но пока я живъ, я глава дома фонъ-Мюллеровъ и, какъ таковой, вынужденъ вамъ заявить, что предположенный, кажется, союзъ между моимъ сыномъ и членомъ вашей семьи не будетъ освященъ моимъ согласіемъ.

Пасторъ покраснѣлъ.

— Прошу ваше превосходительство объяснить, какого рода обстоятельства, совершенно мнѣ неизвѣстныя, даютъ вамъ поводъ къ подобнымъ рѣчамъ,—возразилъ онъ.

Министръ съ насмѣшкой улыбнулся.

— Извольте, вотъ вамъ объясненіе, господинъ пасторъ. Дочь вашу видѣли у васъ въ саду вмѣстѣ съ господиномъ докторомъ фонъ-Мюллеромъ; господинъ докторъ посѣщалъ молодую особу въ вашемъ домѣ и состоитъ съ нею въ перепискѣ. Таковы обстоятельства, сообщенныя мнѣ третьимъ лицомъ. Положимъ, что они были вамъ неизвѣстны...

Пасторъ выпрямился. Его обыкновенно мягкій голосъ зазвучалъ строго, почти грозно:

— Къ такому предположенію ваше превосходительство обязаны, послѣ того, что я уже заявилъ вамъ это... Будь моя дочь здѣсь, я бы допросилъ ее въ вашемъ присутствіи; однако, какъ служитель церкви, я имѣю право требовать, чтобы ваше превосходительство вѣрили однимъ моимъ словамъ: я обо всемъ этомъ ничего не зналъ, и если тутъ что либо вѣрно, то я не одобряю. При такомъ отношеніи вашего превосходительства и я не могу радостно привѣтствовать союзъ между нами. Имѣетъ ли ваше превосходительство еще что либо сообщить мнѣ?..

Министръ отрицательно покачалъ головой.

— Позвольте же, ваше превосходительство... — продолжалъ пасторъ,—посвѣтить вамъ въ сѣняхъ...

Когда пасторъ вернулся въ свой рабочій кабинетъ, Іоганна въ слезахъ бросилась къ нему. Дверь въ горницу была открыта. Пасторъ нѣжно высвободился изъ объятій дочери.

— Я думалъ, что тебя нѣтъ дома,—сказалъ онъ тихо, дѣлая усиліе, чтобы быть спокойнымъ.—Итакъ, ты слышала, что этотъ жестокій человѣкъ говорилъ? Скажи же мнѣ: когда его сынъ былъ здѣсь у тебя, въ моемъ домѣ?

Digitized by Google

—Ни разу, отецъ,—всхлипывала она.—Это ложь, злая ложь... Онъ заговорилъ со мной на улицѣ,—два раза; письма же, его, ты можешь всѣ видѣть: это одни стихотворенія... а въ нихъ все одно и то же, что онъ и сейчасъ сказалъ мнѣ, что онъ... что онъ любитъ меня, хотѣлъ бы меня увезти... но что просить моей руки онъ можетъ лишь тогда, когда цѣпи свободы упадутъ. До тѣхъ же поръ онъ принадлежитъ одной лишь родинѣ... Просилъ меня еще сказать ему одно, люблю ли и я его. Я должна была ему сказать «да», ибо знаю теперь, что уже тогда его любила, когда мы выбрали себѣ двухъ таксъ, чтобы не дать ихъ потопить: онъ взялъ себѣ съ бѣлымъ хвостомъ, а я—съ чернымъ. Ахъ, онъ такой добрый и благородный! И даже... несмотря на злобу его отца противъ него и противъ насъ, это само собой придетъ къ развязкѣ, потому что все низкое исчезнетъ въ солнечномъ сіяніи свободы! А до тѣхъ поръ, онъ хочетъ только имѣть мое слово... Когда я ему дала его... въ прошлый четвергъ, за домомъ, у изгороди изъ крыжовника,—онъ, стоялъ по ту сторону, а я по эту,—то онъ... онъ поцѣловалъ меня, и этотъ поцѣлуй связалъ насъ на вѣки. Съ тѣхъ поръ я больше съ нимъ не говорила, только еще два раза онъ прислалъ мнѣ стихи, съ мальчикомъ, что носитъ молоко...

Голосъ ея замеръ въ слезахъ. Отецъ гладилъ ея мягкіе локоны.

— Полно, полно, дитя мое,—сказалъ онъ,—успокойся только... Господь испытываетъ всѣхъ, кого любитъ... Пойди сюда, сядь ко мнѣ поближе. Видишь ли, намъ нужно поговорить благоразумно.

IX.

Министръ двора не ошибся въ своемъ политическомъ календарѣ. Съ наступленіемъ новаго года недовольство страшно усилилось въ маленькомъ нѣмецкомъ карманномъ государствѣ точно такъ же, какъ и во всемъ мірѣ. Все живѣе и свободнѣе отвѣчало настроеніе жителей резиденціи тому сильному призыву, который слышался въ заграничныхъ газетахъ, почерпавшихъ свои извѣстія изъ партійныхъ распрей чужихъ народовъ, изъ книгъ и стихотвореній нѣмецкихъ мыслителей, бѣжавшихъ,—въ дѣйствительности или только по слухамъ,— за границу, и даже изъ тщательно перечитываемыхъ отчетовъ о земскихъ собраніяхъ народнаго представительства въ нѣкоторыхъ союзныхъ государствахъ. Движеніе захватило уже и слабый полъ. Дамы и дѣвицы соорудили обществу любителей пѣнія знамя, на которомъ ярко-красный шелкъ былъ такъ рѣзко окайменъ черною и желтою вышивкой, что, съ перваго взгляда, каждый геральдикъ долженъ былъ принять его за черно-красно-золотой штандартъ, а поэтъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ, вновь отдавшій свою лирическую поэзію къ услугамъ отечества, прислалъ при этомъ посвященіе въ стихахъ, которое начиналось словами:

Digitized by Google

«Ледъ таетъ, зима проходитъ,
«Весна для народовъ съ шумомъ идетъ!»

Пока, однако, зима еще была въ полномъ разгарѣ, снѣжная и холодная. Въ одномъ только княжескомъ замкѣ цвѣла настоящая весна, и геніемъ этой весны была Іоганна Либэтрей. Фрейлина двора уговорила ее погостить у нея нѣкоторое время, и при ясной, какъ солнце, прелести Іоганны, политическія заботы не отваживались заглядывать въ замокъ. Князь предоставилъ управленіе своему министру; самъ же былъ только довольнымъ отцомъ семейства. Вся его, такъ поздно проснувшаяся было, дѣятельность исчерпывалась теперь безчисленными проявленіями вниманія къ новой гостьѣ и къ Цигебейнъ, привлекшей ее во дворецъ. Нечаянная мысль фрейлины — пригласить къ себѣ молодую дѣвушку — казалась ему счастливѣйшимъ открытіемъ текущаго столѣтія. Въ исторіи стараго династическаго замка было не впервые, что весь его маленькій міръ вертѣлся не вокругъ князя-солнца, а вокругъ прекрасной юной планеты. Но еще ни разу не видали ни одного фаворита, на горизонтѣ котораго не было бы до такой степени ни малѣйшей тучки зависти. Іоганна была любимицею рѣшительно всѣхъ. Когда вечеромъ, при игрѣ въ домино, она заступала мѣсто министра двора, то даже маіоръ Бёллерманъ забывалъ дремать и рѣшался смотрѣть на пеструю таксу, какъ на «порядочную, благочестивую собаку», только потому, что она была ея собакой... Это благородное животное сидѣло тутъ же, на плюшевой скамеечкѣ, между княземъ и Іоганной; она гладила собаку и князь тоже; иногда своей большой, съ толстыми пальцами, рукой онъ поглаживалъ ея мягкую ручку, задумчиво-нѣжно глядя на нее. Іоганна относилась къ этому безъ малѣйшаго смущенія, какъ если бы это дѣлалъ ея отецъ. Онъ и былъ для нея отцемъ отечества: съ малыхъ лѣтъ была она пріучена почитать его съ дѣтскою любовью, а сердце ея было преисполнено благодарности къ нему.

Она стала теперь серьезнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ увидалъ ее въ первый разъ. Оттѣнокъ мечтательности, легшій на всемъ ея существѣ, дѣлалъ ее еще красивѣе. Иногда, впрочемъ, совсѣмъ дѣтская веселость прорывалась неудержимо. Когда ей случалось, напримѣръ, быть одной съ таксой, она брала ее за растопыренныя переднія лапы и кружилась съ нею по комнатѣ; или, бросая ей свой башмакъ, заставляла приносить его обратно. Если князю удавалось незамѣтно подглядѣть ее за этой забавой, то онъ бывалъ такъ доволенъ, что забывалъ даже о своемъ огорченіи по случаю потери Вальдины.

Фрейлейнъ фонъ-Цигебейнъ радовалась пріятному настроенію въ домашней жизни, но грозныя времена за стѣнами замка должны были рано или поздно положить конецъ этой идилліи.

Однажды, за обѣдомъ, настроеніе было напряженно и тревожно

Digitized by Google

подъ впечатлѣніемъ пришедшихъ утромъ, во время перваго завтрака князя, тяжелыхъ извѣстій: революція въ Парижѣ; стычки на улицахъ; отреченіе и бѣгство короля; провозглашеніе республики.

Никто не хотѣлъ заговаривать объ этомъ въ присутствіи князя, но никто не могъ говорить и о чемъ либо другомъ. Маіоръ Бёлльманъ печально ковырялъ на своей тарелкѣ; одинъ его сѣдой усъ повисъ, точно плакучая ива.

— Ну, что съ вами, мой милый?—спросилъ князь.— Вы имѣете такой видъ, какъ будто вы навѣки потеряли аппетитъ.

Старый воинъ озабоченно посмотрѣлъ на него.

— Простите, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ,— я дѣйствительно потерялъ аппетитъ... Такой срамъ! Эта армія,— въ одномъ Парижѣ тридцать тысячъ,— и передъ двумя дюжинами баррикадъ постыдно капитулировать!.. Негодяи еще въ самое послѣднее время подлежали бы военному суду. Такое вѣроломство!..

Князь поспѣшно опорожнилъ свой стаканъ.

— Ну, да,—отвѣчалъ онъ,—этотъ Людовикъ-Филиппъ самъ былъ вѣроломцемъ. Какъ нажито, такъ и прожито... Вообще, я не придаю большаго значенія всемірной исторіи, но это поучительно... Спросите-ка свою сосѣдку,— мы оба его видѣли, когда онъ въ первый разъ бѣжалъ изъ Франціи,—помните, Аглая?.. Тогда онъ, этотъ господинъ Филиппъ Эгалитэ младшій, давалъ уроки французскаго языка, чтобы прокормить себя и сестеръ... Весьма похвально, противъ этого ничего сказать нельзя. Но, когда въ 1830 году онъ похитилъ тронъ, мое мнѣніе о немъ было готово. Да, онъ кое-что заработалъ при этомъ... игрой на биржѣ... одно шло къ другому... это тоже родъ игорнаго дома, какъ у того тамъ... За ваше здоровье, любезный маіоръ, и за здоровье всѣхъ честныхъ солдатъ!

Взволнованный маіоръ чокнулся и сталъ ѣсть съ лучшимъ аппетитомъ.

Министръ двора озабоченно смотрѣлъ на князя. Такъ ясно, за общимъ столомъ, его свѣтлость еще ни разу не высказывался, говоря объ одномъ изъ монарховъ... Это звучало крайне непочтительно. И Цигебейнъ была удивлена.

— Съ нимъ что-то случилось,—подумала она,—но я это узнаю. Онъ долженъ будетъ исповѣдаться мнѣ.

Князь, казалось, шелъ на встрѣчу ея желанію.

— Не хотите ли доставить мнѣ удовольствіе и провести со мною потомъ, въ сумерки, часокъ?—спросилъ онъ ее за дессертомъ.—Мы давно не болтали съ вами.

— Удобно ли вамъ такъ, милый другъ?—началъ князь, когда они, въ сумеркахъ, усѣлись предъ каминомъ. Между ихъ креслами, свернувшись въ клубокъ, лежалъ пестрый Вальдманъ, поджавъ подъ себя хвостъ.— Вы позволяете мнѣ продолжать курить?

— Благодарю васъ очень, ваша свѣтлость,—засмѣялась дама.— Вы сегодня обворожительно любезны. Пожалуйста, курите.

Digitized by Google

— Знаете, что, милая Аглая,—началъ князь, немного запинаясь,— нѣтъ ничего выше правильно устроенной жизни. Что бы вы, гм... что бы вы сказали, если бы я женился? Да не смотрите на меня такъ недовѣрчиво! Я давно уже хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ. Вы, вѣдь, знаете, какъ я высоко ставлю ваше мнѣніе. Не указывайте только, прошу васъ, на мой возрастъ. Правда, что мнѣ уже пятый десятокъ, кажется, даже во второй половинѣ. Но, видите ли, это принимается въ соображеніе. Я не могу требовать такой взаимной любви, какъ молодой мечтатель..., но спокойную, на дѣтскомъ почтеніи основанную привязанность... гм... не правда ли? Она, знаете, наша дѣвочка, она просто меня приворожила...

— Господи!—воскликнула Цигебейнъ, вскочивъ со стула,—наша малютка? Моя пасторская дочечка? Это на ней-то ваша свѣтлость хотите жениться?

— Ну, успокойтесь,—возразилъ испуганный князь.—Я говорю, конечно, о бракѣ съ лѣвой стороны. Подъ именемъ баронессы Фалькенштейнъ, какъ вы объ этомъ думаете? Ландауэръ долженъ будетъ продать мнѣ замокъ, а я ей отдамъ эти развалины, какъ свадебный подарокъ.

— Очень остроумно,—отвѣчала Цигебейнъ,— ваша свѣтлость хорошо все обдумали. А я-то, старая дура, ничего не замѣчаю!.. Если-бъ я только могла это предвидѣть, приводя сюда дѣвочку!

— Однако, моя милая, будьте поучтивѣе,—сердито сказалъ князь,— если даже мой планъ представляется вамъ, такъ сказать... необыкновеннымъ. Вы сами, недавно еще, разсказывали мнѣ про своего Гёте: онъ, вѣдь, хотѣлъ жениться на фрейлейнъ Левецовъ, когда ему было почти восемьдесятъ лѣтъ. А Левецовъ была, кажется, еще годомъ моложе, чѣмъ...

Цигебейнъ злобно засмѣялась.

— Теперь опять онъ сравниваетъ себя съ Гёте!—воскликнула она, забывая всякое должное почтеніе.— Нѣтъ, вижу, что надо просвѣтить вашу свѣтлость. Знаете ли, ваша свѣтлость, почему я взяла къ себѣ дѣвочку? Потому что она обручена съ докторомъ Теобальдомъ Мюллеромъ, и я надѣялась, что знакомство съ нею откроетъ его отцу глаза на то, что лучшей жены для своего сына онъ и желать не можетъ.

— Что вы говорите?—вскочилъ и князь съ своего мѣста.— Съ этимъ... этимъ демагогомъ?

Цигебейнъ въ упоръ посмотрѣла на него.

— Не хочетъ ли теперь ваша свѣтлость преслѣдовать его, какъ демагога, за то, что молодая дѣвушка любитъ его?—спросила она.

Князь, сжавъ губы, покраснѣлъ. Пройдясь раза два по комнатѣ тяжелыми шагами, онъ сказалъ, глядя на свою собесѣдницу примирительно.

— Видите ли, дорогая Аглая, въ концѣ концовъ это у нея

Digitized by Google

лишь юныя мечтанія... Если бы только она прежде узнала, что я могу ей предложить...

Старая дама съ улыбкой покачала головой.

— Любовь не разсчитываетъ, ваша свѣтлость,—отвѣчала она.— Но вы ошибаетесь... Еслибъ даже дитя не было связано словомъ, то и тогда я бы сказала, что она не подходитъ къ той роли, которую вы для нея придумали... Простите мнѣ мою откровенность, ваша свѣтлость,—впрочемъ, я думаю, она и излишня,— не будетъ же ваша свѣтлость стараться отбивать у любимаго человѣка молодую дѣвушку, пріютившуюся подъ вашей кровлей?

Князя передернуло, и онъ отвернулся. Нѣкоторое время онъ простоялъ молча у камина и глядѣлъ на пламя. Вальдманъ, испуганный горячимъ разговоромъ, смотрѣлъ на своего господина печально и безпомощно; наконецъ, вышелъ на середину комнаты и, взявъ въ ротъ кончикъ своего хвоста, сталъ, тихо ворча, кружиться ловко и красиво. Онъ зналъ, что этотъ кунштюкъ всегда забавлялъ его господина.

На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, онъ заставилъ князя заговорить.

— Хорошо,—сказалъ послѣдній, подавая собесѣдницѣ руку.— Благодарю васъ, милая Аглая, за вашу откровенность. Сегодня вечеромъ вы мнѣ разскажете все обстоятельнѣе; теперь же, простите, мнѣ хотѣлось бы остаться одному...—Онъ посмотрѣлъ съ грустною улыбкой на поблекшія черты ея лица, сильно и радостно взволнованнаго:—А, вѣдь, знаете, Аглая, нѣтъ мнѣ у васъ удачи... Тогда, какъ я къ вамъ самой пришелъ съ признаніемъ, вы сказали, что для меня это, по меньшей мѣрѣ, на восемь лѣтъ слишкомъ рано, что мнѣ слѣдуетъ подрости... Да, уже и тогда вы не очень стѣснялись... А теперь, о Боже, выросъ я, кажется, довольно, но опять получаю урокъ отъ васъ, что оно слишкомъ для меня поздно... Посмотримъ, какъ-то мы съ вами дальше уживемся!.. О Боже!..

X.

Мартовскія бури, сильныя и могучія, шумно проносились надъ краемъ. Онѣ сметали съ дубовъ державшуюся еще на нихъ зимою сухую листву и своимъ животворящимъ дыханіемъ пробуждали къ жизни всю природу.

На крыльяхъ этихъ бурь несся еще и духъ свободы. Каждое утро являло новые признаки побѣды весны надъ природой; каждый день приносилъ новыя вѣсти о побѣдѣ духа весны, дремавшаго и оцѣпенѣлаго, казалось, въ сердцахъ народовъ. Достойно было удивленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ легко и безъ сопротивленія опадали, въ вихрѣ этихъ бурь, и сухіе листья съ лѣса германскихъ государствъ, столь долго безобразившіе короны и вѣнчики этого стараго лѣса!

Digitized by Google

Потрясали мартовскія бури и зубчатыя стѣны стараго княжескаго замка, высившагося надъ маленькой столицей. Фридрихъ Фэрдинандъ прислушивался къ этому съ безстрастною, почти спокойною улыбкой, что составляло такую разительную противоположность тревогѣ окружающихъ. Какая-то новая черта проглядывала въ немъ: тихая, немного грустная доброта, точно мягкій, золотой туманъ, преображающій въ мирный ландшафтъ послѣдніе ясные осенніе дни, когда перелетныя птицы уже улетѣли, а бѣлыя паутинки обвиваютъ полуобнаженныя вѣтки. Старая придворная дама смотрѣла на своего друга-князя съ сострадательнымъ участіемъ; къ нему примѣшивалось также нѣчто въ родѣ чувства аристократическаго удовлетворенія.

— Благородный олень, — думала она. — Молча, безъ жалобъ и не обнажая своихъ ранъ, удаляется онъ и ждетъ, пока онѣ не заживутъ.

Однажды, утромъ, князь вошелъ къ ней; Вальдманъ прыгалъ за нимъ, стараясь схватить сложенную бумагу, которую господинъ его держалъ въ рукѣ. Смѣлымъ прыжкомъ поймавъ ее и присѣвъ на коврѣ, сталъ онъ гордо помахивать хвостомъ, какъ будто приглашая великихъ людей попробовать отнять у него добычу.

— Ну, посмотрите, какъ онъ съ Меттернихомъ прыгаетъ,—сказалъ князь.—Слыхали-ль вы уже объ этомъ, мой другъ? Если нѣтъ, пусть вамъ Вальдманъ прочтетъ. Князь Меттернихъ вышелъ въ отставку.

— Да,—сказала Цигебейнъ и задумалась.—И онъ тоже. Ожидалъ ли онъ этого мѣсяцъ тому назадъ? А теперь собака съ нимъ играетъ! Должно быть, слишкомъ ему тяжело стало.

— Да чего ему еще нужно? — возразилъ князь.—Есть у него Іоганнисбергъ, а владѣть такимъ имѣніемъ въ наше время пріятнѣе, нежели играть въ государственнаго канцлера... Впрочемъ, и тамъ, рядомъ съ нами, тоже клонится къ развязкѣ, какъ вы справедливо говорили. Нашъ добрый майоръ шепталъ мнѣ на ухо уже сегодня утромъ, не прикажу ли я принять военныя мѣры. Ему не даетъ покоя тотъ эскадронъ гусаръ, что призванъ моимъ кузеномъ къ дѣлу. Этакая глупость! Вѣдь онъ, безъ шутокъ, поставилъ всѣ свои владѣнія въ осадное положеніе, а замокъ Луизенлюстъ служитъ ему, какъ Цвингъ-Ури...

Онъ вдругъ замолкъ, увидя внезапно вошедшую Іоганну, съ блѣднымъ лицомъ и заплаканными глазами.

— О, помогите, помогите мнѣ, милостивая государыня,—воскликнула она, а, увидавъ князя, почти упала предъ нимъ на колѣни и, ломая руки, продолжала:—Помогите, ваша свѣтлость! Спасите его! Они его заманили по ту сторону границы и хотятъ тащить въ Луизенлюстъ!

Князь вопросительно смотрѣлъ на пастора Либэтрей, вошедшаго

Digitized by Google

слѣдомъ за дочерью и стоявшаго предъ нимъ съ выраженіемъ просьбы на лицѣ.

— Это, къ сожалѣнію, справедливо, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ.—Я тотчасъ же поспѣшилъ сюда, чтобы умолять вашу отеческую милость... Докторъ Мюллеръ схваченъ, запертъ въ домѣ казначейства въ Гроссъ-Брейбахѣ, подъ стражей гусаръ. Оказывается, казначей, по высочайшему повелѣнію, заманилъ его туда. Его свѣтлость князь еще раньше приказалъ привести его непремѣнно въ Луизенлюстъ, но теперь гусары не могутъ этого сдѣлать: народъ отнялъ у нихъ лошадей и осадилъ казначейство...

Князь ласково поднялъ молодую дѣвушку и подвелъ ее къ Цигебейнъ. Съ любовью глядя на ея заплаканное личико, онъ нѣсколько разъ повторилъ ей:

— Успокойтесь, милое дитя. Ничего худого не будетъ.

— Ваша свѣтлость, что вы хотите дѣлать?— быстро спросила Цигебейнъ.

Князь выпрямился.

— Глупый вопросъ, — сердито сказалъ онъ. — Отчего вы еще здѣсь, а не пошли приказать подать экипажъ?.. Охотничью коляску... и прошу запрячь живо... безъ свиты... Что за чортъ! Неужто и тамъ съ этимъ сбродомъ я одинъ долженъ справляться!.. Тише, тише, милое дитя!.. Я привезу его вамъ въ собственныя руки, если-бъ даже мнѣ пришлось ѣхать за нимъ по слѣдамъ, вплоть до самаго Парижа... Только — хладнокровіе!.. Вотъ, позаботьтесь пока о Вальдманѣ, а вы, господинъ пасторъ, велите Цигебейнъ сварить вамъ грогъ, а то вы имѣете такой видъ, какъ если бы проглотили пророка Іоиля и всю его саранчу...

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ. Лицо его сіяло, а шпоры звенѣли воинственно. Казалось, что онъ вдругъ помолодѣлъ на десять лѣтъ.

XI.

Необыкновенная дружина осаждала широкія, укрѣпленныя толстыми стѣнами ворота казначейства: тутъ были и мужчины и женщины, большею частью въ изорванной одеждѣ, съ изнуренными лицами и всѣ вооруженные вилами, цѣпами и другимъ сельскимъ оружіемъ. Дружину эту сдерживало еще нѣсколько присутствіе грознаго гусара, стоявшаго на часахъ у воротъ и готоваго стрѣлять. Одна только пѣгая Вальдина осмѣливалась нападать. Боязливо и въ то же время свирѣпо, съ поджатымъ хвостомъ и разинутою пастью, стояла она передъ солдатомъ и своимъ неистовымъ лаемъ покрывала даже шумъ толпы. Князь прибылъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ гусаръ оттолкнулъ ногой животное.

— Какъ ты смѣешь?—вскричалъ онъ, поспѣшно проталкиваясь

Digitized by Google

сквозь толпу, съ удивленіемъ и почтительно разступавшуюся передъ княземъ.

— Какъ ты смѣешь такъ обижать собаку?

Онъ погладилъ Вальдину, которая бросилась къ нему, визжа и съ повисшей передней лапкой. — Если только у собаки нога сломана, я постараюсь, чтобы ты за это отсидѣлъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ, понялъ?

— Слушаю-съ,—сказалъ гусаръ, отдавая честь.

Оставивъ его стоять, князь прошелъ въ ворота. Толпа протѣснилась за нимъ; солдатъ не осмѣливался ее сдерживать! За воротами стоялъ унтеръ-офицеръ съ нѣсколькими гусарами.

— Ага, высшая власть!—проворчалъ князь и подошелъ къ старому унтеръ-офицеру, отдавшему ему честь.

— Такъ это вы, Люббеке?—сказалъ онъ.—Что вы тутъ за глупости дѣлаете? Чортъ бы васъ побралъ! Вы вздумали таскать моихъ подданныхъ?

— Прошу милости, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ,—мнѣ дано особое приказаніе препроводить этого человѣка въ Луизенлюстъ. Его свѣтлость, князь, хотятъ еще сегодня видѣть его приговореннымъ военнымъ судомъ, какъ государственнаго измѣнника.

— Чего хочетъ его свѣтлость князь, это до меня вовсе не касается,—возразилъ Фридрихъ-Фердинандъ.—Этотъ человѣкъ—мой подданный, а теперь, если вы хотъ слово скажете и не выдадите мнѣ его сію же минуту, то пусть васъ... Ага! онъ у васъ здѣсь,—перебилъ онъ себя самъ, указывая на дверь, въ которую Вальдина скреблась и выла.—Отворить!

Унтеръ-офицеръ повиновался, мѣшкая.

— Ваша свѣтлость, мнѣ приказано...

— Теперь вамъ приказано—выпустить этого человѣка,—кричалъ князь, толкая дверь.—А-а!.. вотъ вы гдѣ, мой дорогой господинъ докторъ! Я только что услыхалъ, что кому-то хочется еще сегодня видѣть васъ приговореннымъ... Въ васъ видно достаточно предсмертнаго мужества, да, ... однако, оно не годится! Вы мнѣ самому очень нужны. Я васъ назначилъ своимъ личнымъ секретаремъ. Въ теперешнія времена и намъ нуженъ молодой человѣкъ съ цвѣтистымъ слогомъ.

Онъ подалъ руку освобожденному, который пристально смотрѣлъ на него, блѣдный и ничего не понимая, и провелъ его черезъ дворъ.

— Возьмите, пожалуйста, вашу собаку на руки и донесите ее до экипажа; бѣдное животное хромаетъ.

Затѣмъ онъ еще разъ обернулся и посмотрѣлъ на толпу, напряженно и молчаливо слѣдившую за нимъ.

— Ага,—сказалъ онъ,—этотъ тамъ, съ сѣдой головой и старой саблей! Ты, кажется, мірской голова, Петръ Мьебусъ? Да? хорошо!

Digitized by Google

Иди впередъ! Ты здѣсь, какъ я вижу, совсѣмъ особеннымъ образомъ управляешь міромъ, что? Ну, выбери себѣ теперь шесть или десять порядочныхъ людей, разставь ихъ кругомъ казначейства и смотри у меня, чтобы ничего не пропало. Лошадей же вели тотчасъ отдать солдатамъ. А вы всѣ идите-ка сейчасъ спокойно по домамъ или въ поле, въ особенности женщины. Только смотрите, порядка не нарушать! Все, на что вы жалуетесь, будетъ разсмотрѣно. Когда что кому нужно, обращайтесь прямо ко мнѣ. Вы меня знаете. Но больше никакихъ представленій! Иначе, чортъ васъ всѣхъ побери живьемъ! Посторониться!.. А вы, Люббеке,—продолжалъ онъ, пока послушная и довольная толпа расходилась,—возвращайтесь себѣ спокойно въ Луизенлюстъ, или гдѣ тамъ его свѣтлость назначилъ свою главную квартиру. Если вездѣ творится то же, что здѣсь, то не мѣшаетъ вашему главнокомандующему имѣть васъ поближе къ себѣ. Доложите его свѣтлости, что мой личный секретарь нуженъ мнѣ самому. А если вамъ что понадобится, то для стараго боеваго товарища 1815 года я всегда дома. Поняли?

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Люббеке.

Князь съ достоинствомъ сталъ удаляться, кланяясь солдатамъ, стоявшимъ во фронтѣ, и подошелъ къ своему экипажу. За нимъ шелъ докторъ фонъ-Мюллеръ, съ Вальдиной на рукахъ. У него голова шла кругомъ.

— Ну, вотъ мы опять очутимся не въ столь обширномъ отечествѣ,—сказалъ князь минуту спустя, съ улыбкой глядя на освобожденнаго молодого спутника, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ въ величайшемъ смущеніи.

— Кажется, это первое тяжелое вступленіе въ практическую революціонную жизнь пришлось вамъ не по вкусу, мой милый поэтъ. Хотѣлъ бы я имѣть здѣсь для васъ коньякъ. Въ нынѣшнія времена слѣдовало бы всегда имѣть съ собой средства первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

— Ваша свѣтлость имѣете безграничное право смѣяться надо мною,—возразилъ молодой человѣкъ, печально улыбаясь.—Но я все-таки ничего не понимаю въ этомъ приключеніи, гдѣ мнѣ приходится играть такую, до крайности, жалкую роль... Ваша свѣтлость спасли мою свободу и жизнь; и та и другая принадлежатъ вамъ... Осмѣлюсь ли спросить только, какое будетъ первое распоряженіе вашей свѣтлости относительно меня?

— Вы спрашиваете, куда я васъ везу,—сказалъ князь.—Конечно, въ замокъ. Я, вѣдь, вамъ сказалъ уже разъ: ваша служба мнѣ нужна! Надѣюсь, что теперь вы мнѣ не откажете... Кромѣ того, я обѣщалъ вашей возлюбленной привезти васъ невредимымъ. Да... смотрите такъ на меня въ упоръ! Вамъ бы слѣдовало прочесть хорошую проповѣдь... Единственное, что вы до сихъ поръ сдѣлали умное, это то, что влюбились въ дѣвочку, и именно это вы скрыли

Digitized by Google

передъ вашимъ отцомъ отечества. Вы, сударь, тиранъ хуже всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы отдѣлываете въ вашихъ стихахъ. Когда обручаются съ молодою дѣвушкой, то стараются это дѣло закрѣпить, а не обнадеживаютъ только бѣдное созданье до тѣхъ поръ, пока господинъ возлюбленный гдѣ-то тамъ распутаетъ Германскій союзъ и перестроитъ Европу... Замѣтьте это себѣ на будущее время, вы, маркизъ Поза!.. Впрочемъ, теперь, кажется, всѣ желанія исполнены, не такъ ли? Съ германской свободой идетъ, какъ на парахъ: крестьяне уже колотятъ своихъ казначеевъ, а Меттернихъ откланялся... Такъ вы ужъ теперь кончайте серіозно съ дѣвочкой. Съ вашимъ отцомъ я самъ поговорю... Но вотъ что я вамъ скажу: если въ теченіе всей вашей жизни вы не будете обращаться съ этимъ кроткимъ, невиннымъ созданіемъ, какъ съ ангеломъ, которымъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, то... то я желалъ бы, чтобы мой двоюродный братецъ собственноручно сегодня же въ Луизенлюстѣ свернулъ вашей милости шею... Ахъ, что тамъ, оставьте ваши глупыя благодарности! Благодарите вашу малютку, а также нашего стараго добраго генія, моего друга, Аглаю фонъ-Цигебейнъ. Вотъ, смотрите вверхъ на мою обсерваторію, въ башнѣ замка: никакъ обѣ женщины стоятъ тамъ и машутъ платками! Совсѣмъ какъ будто я возвращаюсь съ турнира и привожу имъ новаго трубадура. Достаньте же вашу лиру,— вѣдь такіе, какъ вы, всегда ее имѣютъ съ собою!.. Прикажите, пожалуйста, кучеру объѣхать кругомъ, черезъ садовыя ворота, а не городомъ. На сегодня мнѣ довольно народнаго возстанія. Такъ, благодарю. Знаете, если съ обрученіемъ у васъ все обойдется счастливо,— нужно намъ еще послать за обоими господами отцами,—то продайте мнѣ это животное. У васъ оно опять ногу сломаетъ. Да, вообще, къ чему вамъ еще и собака?!

XII.

Сумерками этого знаменательнаго дня, Францъ-Фридрихъ-Фердинандъ сидѣлъ опять въ своей комнатѣ передъ каминомъ, курилъ сигару и задумчиво глядѣлъ на двухъ пѣгихъ таксъ. Вальдина лежала у камина на одномъ боку, а Вальдманъ, стоя передъ ней, нѣжно лизалъ ея раненную переднюю лапку.

Даже Цигебейнъ, тихо войдя и занявъ свое мѣсто, смотрѣла на эту парочку и дружелюбно улыбалась.

— Наконецъ-то, ваша свѣтлость, владѣете ими,—сказала она.

— Да,—отвѣчалъ князь съ грустною улыбкой,—а докторъ фонъ-Мюллеръ владѣетъ малюткой. Каждому то, что ему слѣдуетъ, не такъ ли?

Онъ затянулся сигарой, отгоняя рукой дымъ отъ своей собесѣдницы.

— Однако, я долженъ сознаться,—продолжалъ онъ,—что это была таки порядочная работа—примирить обоихъ отцовъ. Боже,

Digitized by Google

какъ мы, старые люди, бываемъ, однако, упрямы!... А что же творится въ остальномъ мірѣ? Съ этимъ сватовствомъ сегодня не дали мнѣ времени управлять государствомъ. И теперь я въ первый разъ не въ духѣ.

— Да вотъ,—сказала Цигебейнъ,—кажется, опять въ шести или семи государствахъ треснуло... Тамъ, рядомъ — тоже. Только что курьеръ прибылъ съ этимъ извѣстіемъ: большой шумъ въ резиденціи, призывъ крестьянъ къ оружію, игорный домъ закрытъ, ополченіе, временное правительство, выступленіе на Луизенлюстъ.... одна гусарская лошадь убита, одинъ адвокатъ, или что-то въ этомъ родѣ, слегка раненъ... Затѣмъ, его свѣтлость Эгонъ-Александръ великодушно положилъ конецъ борьбѣ. Онъ отрекся отъ престола и уѣхалъ, вѣроятно, въ Англію. Въ англійскомъ банкѣ, вѣдь, лежатъ его деньги... «Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше», говоритъ писаніе. За его малолѣтняго племянника управляетъ пока временное правительство: одинъ докторъ, два адвоката и одинъ профессоръ...

— Да перестаньте же говорить мнѣ про этихъ людей, прошу васъ,— перебилъ ее князь.— Что же дѣлаютъ наши любезные подданные?

— Пишутъ адресы, ваша свѣтлость. У нихъ большое совѣщаніе въ домѣ собранія. Говорятъ, банкиръ Ландауэръ сказалъ, что теперь именно настало время для нѣмецкой націи вспомнить о своихъ славныхъ предкахъ. Все это, ваша свѣтлость, получите для прочтенія. Нашъ добрый Бёллерманъ близокъ къ отчаянію. Онъ только что упрашивалъ меня, чтобы я убѣдила вашу свѣтлость позволить зарядить хоть пулями наши четыре пушки, стоящія во дворѣ замка. Я отвѣтила ему, что лучше попрошу вашу свѣтлость позволить выкрасить эти старыя бомбарды заново.

— Мнѣ кажется, онѣ не стоятъ даже новой краски, милая Аглая,— спокойно возразилъ князь.— Куда же прячется пасторъ Либэтрей?

— Раньше онъ былъ тамъ у молодой парочки или въ комнатѣ рядомъ. Кажется, онъ занятъ. Вы же поручили ему говорить завтра воскресную проповѣдь, такъ какъ придворный проповѣдникъ заболѣлъ.

— Ахъ да,—вздохнулъ князь.—Конечно, это будетъ о пророкѣ Іоилѣ?.. Слушайте, что это за шумъ внизу? Не наша ли ужъ это саранча?

Вошелъ майоръ, а за нимъ пасторъ Либэтрей съ женихомъ и невѣстой.

— Простите, ваша свѣтлость, что я осмѣливаюсь войти безъ доклада,—поспѣшно сказалъ майоръ,—въ городѣ смятеніе, большая толпа валитъ сюда.

— Пусть ее валитъ, мой милый,— отвѣчалъ князь, не вставая съ мѣста.— Что же на это говоритъ мой министръ двора?

Digitized by Google

— Мой отецъ ожидаетъ этихъ людей, ваша свѣтлость,—замѣтилъ докторъ фонъ-Мюллеръ, подходя къ окну.—Это, кажется, большое возстаніе... съ факелами... Они идутъ на площадь передъ замкомъ, къ балкону, мимо часового...

— Повелѣніе вашей свѣтлости!—съ отчаяніемъ махнулъ рукой майоръ и вышелъ.

— Мнѣ кажется, это совсѣмъ мирные люди,—замѣтилъ пасторъ, подходя къ своему будущему зятю.—Депутація, какъ видно, впереди... Господинъ Ландауэръ и директоръ гимназіи...

— Ничего болѣе мирнаго и представить себѣ нельзя,—заявила Цигебейнъ, продолжая сидѣть напротивъ князя.

Князь нагнулся и закурилъ новую сигару. Внизу слышно было многоголосное пѣніе:

«Ледъ таетъ, зима проходитъ,
«Весна для народовъ съ шумомъ идетъ!»

— Дитя мое, слышите?—спросилъ князь Іоганну, благосклонно улыбаясь.—Это его твореніе... Ну, ужъ отъ писанія стиховъ вамъ слѣдуетъ его отучить.

Іоганна покраснѣла, быстро подошла къ князю и, съ нѣжностью взявъ его руку, промолвила, съ тревогой озираясь кругомъ:—О, чего еще могутъ требовать эти люди отъ князя съ такимъ добрымъ, любящимъ сердцемъ!

— Это вы спросите у своего поэта,—сказалъ онъ, лаская ея руку.—Видно, о политикѣ онъ сегодня не говорилъ съ вами, моя маленькая невѣсточка? Но вотъ мы сейчасъ получимъ разъясненіе,—прибавилъ князь, вставая, такъ какъ въ эту минуту вошелъ министръ двора.

— Ну, мой милый, что тамъ за кутерьма?

— Ваша свѣтлость,—бормоталъ сильно встревоженный министръ,—возстаніе... бунтъ... Они требуютъ либеральной конституціи.

— Боже милостивый!—воскликнулъ князь,—такъ дайте имъ ее!

Министръ поблѣднѣлъ и отступилъ назадъ.

— Простите, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ,—преданность моя извѣстна вамъ, но въ виду подобнаго порученія... Мои политическія убѣжденія обязываютъ меня... Прошу васъ, благоволите отпустить меня!

— Вотъ это хорошо!—проворчала фрейлейнъ Аглая.

Остальные присутствовавшіе казались сильно перепуганными.

Съ минуту князь задумчиво глядѣлъ на своего министра. Мало-по-малу лицо его прояснилось.

— Послушайте, мой дорогой, старый другъ,—сказалъ онъ, положивъ руку на плечо министра,—я думаю, что вы правы. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы тоже этого не могъ сдѣлать... Но, мой Боже, я, по самому рожденію своему, долженъ остаться на мѣстѣ

Digitized by Google

до конца жизни; отреченіе изъ-за своего собственнаго удобства— это единственный политическій грѣхъ, котораго я не прощаю монарху... Мой маленькій двоюродный братъ, Антонъ-Генрихъ, играющій тамъ теперь со скипетромъ и короной, и который впослѣдствіи долженъ будетъ и здѣсь встать у кормила правленія, всего пяти лѣтъ отъ роду. Вотъ я и долженъ еще немного продержаться. Но васъ мнѣ жаль для подобной игры въ министровъ, какъ это теперь въ модѣ... Послѣ, знаете, послѣ, такъ годика черезъ два, не больше, намъ опять будутъ нужны люди, кое-что понимающіе. Тогда... ну, тогда... А до тѣхъ поръ я снисхожу къ вашей просьбѣ, мой дорогой, съ сердечною благодарностью за вашу службу... Этого и говорить незачѣмъ; между такими друзьями, какъ мы, эти фразы ненужны... Приготовьте мнѣ, прошу васъ, декреты: о вашей отставкѣ, о назначеніи васъ кавалеромъ большаго креста нашего фамильнаго ордена, съ брильянтами, да, да... и о назначеніи вашего преемника. Тѣмъ временемъ, сей послѣдній потрудится возвѣстить съ балкона нашему дорогому народу эти пріятныя вѣсти. Итакъ, прошу васъ, господинъ докторъ Теобальдъ фонъ-Мюллеръ! Симъ назначаю васъ своимъ министромъ и поручаю вамъ сообщить это людямъ, стоящимъ тамъ внизу. И конституцію они получатъ; распорядитесь объ избраніи для этого національнаго собранія, такъ что ли?... Относительно борьбы съ рѣчами и пѣснями? Ну, это ваша спеціальность. Чего же вы еще ждете? Да, извинитесь, пожалуйста, за меня передъ вашими друзьями внизу: я никогда еще съ балкона не говорилъ рѣчей.

Съ этими словами Фридрихъ-Фердинандъ повернулся и занялъ опять свое мѣсто у камина. Проявивъ достаточно дѣятельности, онъ ждалъ теперь, чтобы его воля была исполнена.

Новый министръ поцѣловалъ свою невѣсту и приступилъ къ своимъ обязанностямъ.

Что именно говорилъ онъ съ балкона,—въ комнатѣ князя слышно не было. Лишь отъ времени до времени доносилось громкое слово, тотчасъ же покрываемое радостнымъ одобреніемъ. При каждомъ такомъ возгласѣ, Іоганна слегка вздрагивала и краснѣла отъ блаженства. Она стояла въ полуоткрытыхъ дверяхъ между бывшимъ министромъ двора и своимъ отцомъ. Робко взяла она руку стараго дипломата и, съ мольбою въ глазахъ, поцѣловала ее. И онъ долго смотрѣлъ на нее, потомъ поцѣловалъ въ лобъ, пастору подалъ руку и незамѣтно вышелъ изъ комнаты. Іоганна украдкой прослѣдовала въ залу за своимъ возлюбленнымъ; пасторъ шелъ за ней, улыбаясь.

Князь продолжалъ курить и любоваться подаренными ему таксами. Собаки сидѣли теперь одна напротивъ другой, помахивая хвостами и облизываясь.

— Точно два гербовыхъ льва,—сказалъ князь.—Можно надѣяться, что ихъ окраска сохранится въ породѣ.

Digitized by Google

Цигебейнъ разсѣянно кивнула головой, прислушиваясь къ шуму во дворѣ. А тамъ новый министръ кончалъ свою рѣчь. Разъ еще возвысилъ онъ голосъ для короткой фразы, которую ликующіе граждане повторили нѣсколько разъ. Вдругъ, громаднымъ хоромъ, подобно пушечному выстрѣлу, раздалось:

«Нашему князю Францу-Фридриху-Фердинанду Справедливому—ура!»

Цигебейнъ вскочила, ударивъ своей маленькой, высохшей ручкой по ручкѣ кресла.

— Вотъ такъ слово!—воскликнула она.—И тотъ, кто провозгласилъ о васъ такое прилагательное, ваша свѣтлость, будучи самъ убѣжденъ въ немъ, тотъ и есть настоящій дворянинъ, какого намъ нужно!

— Какъ я радъ этому,—сказалъ князь.—Такъ пусть же онъ для меня постарается, чтобы дворянство не переводилось въ нашихъ владѣніяхъ!

Э. Мюлленбахъ.

Digitized by Google